

ЧИСТОТУ, ПРОСТОТУ ИСКУДРЕВНИХ БЕРЕГ
СКАЗКИ, САГИ ИЗ ПРОШЛОСТИ ИМ -
ПОТОМУ ЧТО ДОБРО ЗАКАТАЕТСЯ ДОБРОМ
В ПРОШЛОЕ, БУДУЩЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ...

БРАТИНА СВАРОГА

ШМИГАЛЕВ НИКОЛАЙ

Николай Шмигалев
Братина Сварога

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шмигалев Н. Н.

Братина Сварога / Н. Н. Шмигалев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Когда уходит один богатырь, ему на смену приходит другой. Не бывает такого, чтобы земля без защиты и опеки богатырской оставалась. Тем более в такое лихое время, когда главный артефакт народа - Братина Сварога - украден. Нет Братины, нет и лада в доме, читай - княжестве. А посему надобно её вернуть назад во что бы то ни стало. Что для этого нужно? Богатырь - раз, ему в подмогу богатырского коня... Как нет коня?! Медведь сожрал?! Тогда нехай этот прожорливый Потапыч и будет ему вместо коня. И верный сокол на плечо! Что? Вместо сокола имеется ворон премудрый? Ну, так тому и быть. Пусть ворон на плече. Главное чтобы они справились...

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Сказки, саги из прошлого тащим –
Потому что добро остается добром
В прошлом, будущем и настоящем...
В.Высоцкий

БРАТИНА СВАРОГА
(героико-авантюрная былина)

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1.

Хмурый, в серых тонах, рассвет не сулил ничего хорошего. Над сонной землей грязным нестиранным саваном нависал свинцовый небосвод. Поздняя осень, однако. Поля, ещё недавно золотившиеся налитыми колосьями, убраны и пусты. Земля черна. Пестревшие яркими лоскутами перелески тоже оголились, окончательно сбросив потрепанные ветром желто-красные наряды. И на заросших камышом озерах уже давно не слышно разноголосого птичьего гомона. Все нормальные твари на земле-матушке уже давно к приходу зимы изготовились. Мохнатые, те кто обычно в спячку залегают, давно по норам да берлогам разбрелись. Пернатые, те которые из перелетных, в теплые края подались, а оставшиеся на зимовку гнезда утеплили. Бородатые, из тех, которые по осени цыпят считают, урожай собирают, да соленья с вареньями запасают, со своими домочадцами в теплых избах да теремах укрылись. Домовые, банники и гуменные и те приутихли, не озорничают, никак тоже в спячку легли. По всем приметам долгая да студеная зимушка ожидается...

Промозглый бродяга ветер, срывая с ветвей последние листья, заунывно посвистывал над голой дубравой, где устроился на ночлег могучий Дубыня Ставросович – штатный богатырь вельмипонежского княжества, государственного образования раскинувшегося на необъятных просторах Матери – Сырой Земли, как издревле называли русобородые аборигены родимую сторонушку.

Достославный князь Негодуй, он же по совместительству голова стольного града Вельмипонежска, откомандировал своего лучшего и единственного богатыря к окаянным хазырям, которые долгие века кочевали в Степи Дикой в поисках чего-то утраченного.

Зачем отправил, спросите вы?

Причина, тривиальная до зевоты.

Такое дело, намеренно припомнил княже, что хитрые хазыри, опосля очередного «вековечного пакта о перемирии и ненападении» задолжали ему контрибуцию за уже, без малого, пятилетку. С накапавшими процентами, бонусами и штрафами, дань в кругленькую сумму хазырям выходила. А у Негодуй к концу года, как назло, серьезный дефицит бюджета образовался, проще говоря казна оскудела, отчего дебет с кредитом как ни крути, как не верти, никак не верстается. А вскоре князю финансовый отчет держать перед смутьянами (так за глаза он своих вельможных бояр полушутя величал). Вот, для того чтобы как-то улучшить среднестатистические показатели в финансовом секторе за прошедший год и послал князь богатыря своего в путь дальний в неурочное время, такое время, когда хороший хозяин собаку из дому не выгонит.

Дубыня Ставросович хоть и был уже немолод, а отказываться от служебной необходимости не стал – чувство долга перед каким-никаким а начальником, а в его лице государством, и в более широком понятии – родиной – не позволило. Хоть и не по душе ему были обязанности мытаря исполнять, молча оседлал богатырь своего тоже уже немолодого, но все так же могу-

чего и верного богатырского коня Сивкобура (уменьшительно-ласкательное – Сивко), принял из рук князя доверенность на получение дани у хазырского баштыка и отправился в нужную сторону.

Дорога ему предстояла неблизкая и нелегкая: сначала дебрями таежными, затем горами крутыми, холмами заросшими, оврагами и буераками, бродами ручейными и порогами речными. Опосля того как превозможет он путь сей тернистый, останется всего лишь там Мертвый Лес (то еще недоброе местечко, я вам доложу) одолеть, а за ним уж и Степь Дикая – среда обитания шебутных хазырских племен.

Долго ли коротко ехал богатырь, но в отмерянный срок преодолел он все вышеуказанные препятствия, осталось лишь вышеуказанный Мертвый Лес ему проехать, а там и до хазырей булавой подать. Так как к Мертвому Лесу Дубыня Ставросович подъехал к вечеру, решил не соваться в него по темноте, а переночевать невдалеке, чтобы с утра пораньше, по светлому, через него проехать.

Про Мертвый Лес много леденящих душу сплетен да слухов всяческих ходило, а Дубыня, хоть и был отважным богатырем, но, как и все герои своего времени, был довольно суеверен, то бишь верил в приметы и сказки мистические, а посему старался лишний раз на рожон не лезть, ежели дело хоть чуток потусторонним пахивало. Тем более, что и светлая дубрава, верная защита от темных сил, как нельзя вовремя подвернулась.

Очередной порыв ветра разбудил богатыря, бесцеремонно сорвав с него походный плащ. Дубыня Ставросович, поеживаясь, сел возле потухшего костра, сладко зевнул и потянулся. Хрустнули молодежато хрящи межпозвоночные, окончательно выводя богатыря из дремотного состояния. Рядом с хозяином, положив голову на седло, в позе зародыша похрапывал его богатырский конь, смешно взбрыкивая копытами во сне.

Поглядев на коня, Дубыня усмехнулся в бороду и перевел взор на юго-восток, туда, где чернел «костлявый» сухостой Мертвого Леса. В этот момент над лесом в редких разрывах туч показалось восходящее светило, или, как его звали вельмипонежцы, Ярила-батюшка. Красные лучи солнца озарили на миг мертвые кроны деревьев и вновь скрылись за свинцовым саваном облаков. Кровавое светило – дурная примета, решил богатырь, в глубине души надеясь, что дурная она все-таки для хазырей.

Растолкав коня, Дубыня отсыпал ему добрую порцию отборного овса, и сам плотно позавтракал оставшейся в котелке с ужина полбой. Как чувствовал бывалый воин, что сегодня силушка богатырская ему пригодится...

Не прошло и часа опосля подъема, а Дубыня Ставросович уже подъезжал на все ещё зевающим и потягивающемся Сивкобуре к дорожной развилке у опушки Мертвого Леса. Остановив коня возле придорожного камня-указателя, Дубыня внимательно прочитал на нем информационно-указательные надписи. Первая надпись гласила: «Направо в обход поедешь, в трясину заедешь». Вторая надпись предупреждала: «Налево в объезд пойдешь, вzybучих песках гибель найдешь». Третья надпись, наспех выцарапанная поверх другой, затертой, информировала: «Черес Мюртвий Лес паскачищ – ошень бистра в Степ Дикая выскачищ».

Богатырь равно не любил болота и пески, тем более зybучие, а потому, несмотря на то, что орфографические ошибки в третьей надписи, ему смутно напоминали чей-то до боли знакомый акцент, он решил ехать напрямки через Лес, в принципе как изначально и планировал. Сивкобур, которого, благодаря его животному нутру, тоже терзали смутные сомнения, все же не стал упрямиться, чтобы хозяин не заподозрил его в трусости и не высмеял. Бывалый боевой конь смело потрусил по заросшей тропинке вглубь мертвой чащи, тем не менее, держа наостренные ушки на макушке.

Мертвый Лес в полной мере оправдывал свое мрачное название. Мало того, что здесь все давным-давно вымерло, и, по слухам, обитали только бессловесные мертвяки и упыри, отчего стояла вязкая могильная тишина, так еще и густой туман – вытjани руку, пальцев не увидишь –

поглощал рассеянный свет, едва пробивавшийся через склонившиеся над тропинкой скелеты деревьев. Переместив на всякий случай притороченную сзади к седлу булаву поближе к себе, Дубыня Ставросович внимательно поглядывал по сторонам, так как не понаслышке знал, что в таких гиблых местах всегда надо быть начеку, в любой миг ожидая подвоха. Напрягал свой нюх и Сивкобур. Нервы обох были натянуты как тетива богатырского лука. Чувства обоих обострены. Оба были настороже. И оба... прозевали засаду.

Хотя, чего греха таить, им даже свистнули. Ну, может и не им, но определенно свист был. Откуда-то сбоку. Дубыня и Сивкобур остановились и повернули головы, чтобы посмотреть, что за «соловушка» там свиристит-заливается.

Богатырь ещё успел увидеть, как к нему стремительно подлетало толстое заостренное бревно, привязанное длинными сыромятными ремнями к вершинам деревьев, но ничего не успел предпринять. Щит был приторочен к седлу, а голой рукой, пусть даже богатырской, супротив бревна особо не попрешь. Единственное, что он смог сделать в подобной ситуации, встретить древесный таран широкой богатырской грудью. От сильного удара бревно раскололось в щепы, словно с утесом столкнулось. Однако и «утес» не выдюжил встречи с ним. Кольчуга на Дубыне хоть и была трехслойного плетения, а и она не уберегла хозяина. Богатыря выбило из седла и откинуло на несколько шагов от дороги. Прямо в глубокую яму, словно специально на том месте выкопанную, упал Дубыня. Ничего не понявший конь богатырский растерянно вертел головой, пытаясь разобраться в происходящем, и пропустил второе бревно, предназначавшееся непосредственно ему. Сильнейший удар пришелся Сивкобуру под дых – таким ударом запросто и дух вон. Только именные подковы сверкнули в густом тумане. Богатырский конь отправился следом за хозяином в глубокую яму.

В тумане замелькали многочисленные тени с остроконечными шапками, украшенными кисточками конских хвостов. Они столпились вокруг темной ямы, где нашли свое последнее пристанище богатырь и его верный конь, и прислушались, не доносятся ли из неё стоны или вздохи. Нет. Гробовая тишина.

– Атлишна срапотана! – потирая пухлые ручки, похвалил своих коварных воинов Курдюкбей сын Бурдюкхана – главный баштык хазырей, который и устроил засаду на богатыря. – Таперя зафалите их трупы каминями и айда тойдороить. Кынясь Нихадуй никагида ни палуцит ат нас дань за пять летов. Хе-хе. Фик иму. А по весине ми и сами к нему в хости поездим, доховур пирисматировать.

Курдюкбей отошел в сторону, предоставив своим воинам возможность засыпать камнями и землей братскую могилу богатыря и его коня, лучшего места для которой вряд ли можно было найти.

Управившись и утрамбовав землю на месте погребения Дубыни, хазыри вывели из чащи своих маленьких лошадок и, ликуя, отправились в свои селения «тойдороить» победу над вельмипонежским богатырем.

Что тут сказать, у Курдюкбея в окружении славного но безалаберного Негодуя имелись свои люди, которые своевременно довели ему информацию о планах князя насчет дани и отправленным в связи с этим в Дикую Степь богатыре. Остальное было делом техники. И главное, никто не докажет, что Дубыню ликвидировали именно хазыри. Кому в голову взбредет искать труп и остальные улики в Мертвом Лесу, а если кому и взбредет, то его будет ждать та же незавидная судьба, что и простодушного Дубыню.

Так бесславно закончилась жизнь славного богатыря Дубыни и его верного Сивкобура, и должность вельмипонежского богатыря стала вакантной. Конечно, сейчас можно дискутировать почему все так произошло и оправдывать, что будь Дубыня Ставросович и его конь чуток помоложе, а значит и глаз зорче, и слух чутче, и нюх тоньше, то все могло иначе получиться. Но лучше не будем искать отговорки. Вышло, как вышло.

Остается добавить одно, приметы не врут.

ГЛАВА 2.

Ни князь, ни его приближенные (за исключением одного-двух, из числа вражеских лазутчиков) ни сном, не духом, не ведали, что с богатырем приключилась ужасная трагедия. Хотя, справедливости ради стоит заметить, что Негодуй видел странный сон, в котором ему явился своей жирной персоной окаянный Курдюкбей. Баштык был в шеломе Дубыни и верхом на окровавленном Сивкобуре, и самое неприятное – он громогласно хохотал, свысока глядя на князя. Но князь Негодуй все равно списал кошмар на последствия позднего высококалорийного ужина. А с учетом того, что ему и раньше снилась всякая нелепица, не стал он связывать этот сон с четверицы на пятницу (кто не знает, это самое время для вещих снов), с несвоевременным походом богатыря.

Однако, по прошествии сорока дней и стольких же ночей князь и сотоварищи заволновались не на шутку. По всему выходило, что богатырь должен был давно уже вернуться с богатым калымом, если только... если только... Князь боялся даже и подумать, что могло стрястись с богатырем, не позволив последнему объявиться в родных краях.

Выждав, как и полагается, ещё сорок дней и ночей, князь созвал бояр на совет, на котором, вместе с боярами они первым делом помянули известным способом сгинувшего богатыря, а потом, собственно затеяли и расширенное совещание.

Дело в том, что согласно организационно-штатной структуры реестра придворных должностей, в княжестве мог быть только один штатный богатырь, утвержденный приказом по княжеству, имеющим силу указа. И ежели штатный богатырь погибал, али в течении оговоренного срока не давал о себе весточки, находясь в дальнем боевом походе или служебной командировке, то по правилам, необходимо было избирать и назначать нового богатыря. Ведь княжеству, пусть и такому как Вельмипонежское, затерянному в дремучих лесных просторах, без богатыря ну никак нельзя. Это и имидж, и защита, и надежда, и многое-многое другое. И если князь являлся гарантом государства, то богатырь, образно выражаясь, являлся гарантом гаранта. Кто из супостатов и потенциальных оккупантов вздумает переть супротив князя, если на переговорах за его спиной почти всегда маячит внушительная фигура в кольчуге, вооруженная до зубов, и прекрасно владеющая всем этим вооружением. Вот то-то же.

И пусть Негодуй сам недолюбливал богатырей, во первых за их практически несокрушимую мощь (хотя, как ни парадоксально, именно за это их и терпел, и холил, и лелеял), а во вторых, за то что имели чувство собственного достоинства и не лебезили перед начальством, и особенно за то, что иногда позволяли себе выражать собственное мнение по основным направлениям политики, даже когда их не спрашивали, но без богатыря князь чувствовал себя, мягко говоря, неуютно.

Теперь предстояли долгие и щепетильные выборы нового витязя для княжества. Это в наше суматошное время, организовал голосование-референдум и готово, а во времена Негодуй избирательный процесс был намного сложнее. Сначала необходимо обеспечить кампанию по приглашению всех желающих участвовать. А это значит отправлять глашатаев по всем весям княжества, на что уже уйдет уйма времени. Затем первичная выборка кандидатов. После чего второй этап – профотбор. И, наконец, самый главный – аттестационная комиссия, на которой выявлялся лишь один, достойнейший из достойнейших. Избранный, после подписания необходимых контрактных грамот и внесения в списки государственных служащих, и становился штатным богатырем. Весь процесс мог занять от месяца и больше, а князь Негодуй не мог в этот раз позволить себе такой роскоши. Приближавшийся конец лютой зимы ясно давал понять, что «Мороз Воевода», испокон веков охранявший рубежи родины в зимнее время, скоро уйдет «в отпуск» до следующих белых мух. Этот факт, в свою очередь, означал, что активизируются беспокойные соседи, тот же хазырьский баштык Курдюкбей, который наверняка уже прознал

об исчезновении Дубыни и ждет не дождется, когда снега сойдут и свирепые выюги стихнут, чтобы вновь начать свои подлые разорительные набеги на отныне беззащитное княжество.

Потому и собрал князь бояр на совет, чтобы сообща решить, как быть. Ибо одна голова, пущай и княжеская, хорошо, а восемь (с учетом ещё семи боярских) гораздо лучше. Мозговой штурм в таком формате всегда эффективнее.

И что вы думаете?! Надумали-таки бояре с князем, как им без шума, гама и паники отобрать себе нового богатыря в кратчайшие сроки.

Каким образом? А таким!

На носу что? Знаю, вы скажете бородавка. Ан нет, – Масленица!

На ней, родимой, князь с боярами и порешили выбрать достойные кандидатуры для замещения вакантной богатырской должности.

Ведь что такое Масленица? Это гулянье, веселье, игрища, где добрые молодцы из кожи вон лезут, дабы показать себя во всей красе пред красными девицами, ну и другим честным народом. Это место, где соревнуются едва ли не азартнее, чем на олимпийских играх, в эллуинской жаркой стороне. Любой мало-мальский атлет из самой захолустной деревеньки спешит на столичную масленицу дабы и себя показать, и на других посмотреть. Это ли не лучшая «избирательная компания».

Князь едва не прослезился, слушая сладкие речи боярина Простофикла, расписывавшего прелести подобных выборов.

– Эх, так тому и быть! Ху-у! – дыхнул князь на перстень с вензелями и треснул кулаком по столу, за которым поминали и советовались, завизировав, лежавший перед ним протокол совещания. – Простофикл, поручаю тебе обмозговать все детали и нюансы, и представить программу Масленицы под кодовым названием «Богатырские смотрины».

– Задачу понял, светлый князь! – поклонился, привстав из-за стола Простофикл – рыжебородый боярин в высокой медвежьей папахе, самый молодой из всех присутствующих и довольно смекалистый малый.

– Прочим господам боярам я настоятельно рекомендую принять активное участие в операции, – пристально посмотрел князь Негодуй на остальных бояр, которые и сами были заинтересованы в благополучном проведении «смотрины». – Помните, – добавил он, понизив голос, – это вопрос государственной безопасности.

Бояре дружно закивали головами, сметая со стола крошки своими длинными бородами.

– Все как один пойдем на Масленицу! – ответил один за всех, боярин Кислорож – самый старый и авторитетный из бояр.

Ещё бы они не пошли. Ведь Масленица это не только игрища и веселье, это ещё и бесплатное угощение за счет небогатых, но хлебосольных горожан, а также зажиточных, но прижимистых купцов всех гильдий, в добровольно-принудительном порядке назначенных спонсорами вышеуказанного мероприятия. Как тут не сходить. Тем паче, что и причина весьма уважительная наклюнулась.

– Ты за нас не беспокойся, княже, – подал голос другой боярин – Тихомир, – самый беспокойный и воинственный из княжеских вельмож. – Мы будем держать ухо, нос и глаз остро, и отберем самых подходящих кандидатов в богатыри.

– Так оно и будет, – согласно кивнул Харибор – самый добрый и гуманный боярин князя.

– Ужо мы расстаремся! – в один голос воскликнули Миложир и Сухофим, самый тощий и самый толстый бояре, соответственно.

И только боярин Гласлав ничего не сказал. Следуя логике, вы уже поняли, что он был самым молчаливым из всех бояр.

– Ну, что же, если больше вопросов и предложений нет, совет окончен! – встал из-за стола князь, за ним вскочили бояре. – Все свободны!

Наспех похватав со стола недоеденные куски аппетитной кулебяки, бояре, толкаясь, покинули зал совещаний.

Проводив их просветленным взором, князь Негодуй, находясь в приподнятом настроении, налил себе полный кубок медовой бражки и выпил за здоровье будущего богатыря. Верный Дубыня, бесследно стигнувший на чужбине, уже был перевернутая страница книги его, князя, жизни.

ГЛАВА 3.

Настала долгожданная Масленичная неделя. Время веселых проводов суровой зимушки-зимы. Время прощания с колючими выюгами, да холодами-морозами. Князь Негодуй всю Узкую Масленицу (кто не знает, это первые три дня Масленичной недели) был в благодушном настроении, наблюдая как восторгавшийся словно после долгого сна честной народ готовился к празднованию разгульной Масленицы или Масленице-объедахе. С балкона княжеского терема он глядел как на крепком ещё речном льду веселые мужички, зубоскаля и хохоча над своими же сальными шутками-прибаутками, в одних рубахах, несмотря на морозец, устанавливали балаганы, лавки, качели, карусели да лепили снежные горки. С удовольствием поглядывал, князь, как сооружали бабы да ребятя чучело Масленицы из старых одежек, соломы, хвороста и других подручных легковоспламеняющихся материалов, и как потом это обряженное чучело возили по улицам стольного града на саях, под смех и прибаутки прохожих. На удивление безмятежно было на душе вечно беспокойного князя.

В среду вечером, накануне Широкого четверга, или как его ещё называют, Разгульного четвертка, князь вызвал к себе бояр, чтобы ещё раз «сверить часы».

– Итак, завтра господа бояре, наш выход! – торжественно провозгласил Негодуй собравшимся боярам. – У нас всего один день отобрать кандидатов на вакантное место штатного богатыря. А посему напоминаю, что наша с вами основная задача, особо не предаваясь общему веселью, внимательно отслеживать всех потенциальных кандидатов и пометать особо отличившихся. И чтобы не смущать своим присутствием честной народ на веселье и игрищах, повелеваю всем, включая меня, как ранее договаривались, облачиться в иноземные платья и загримироваться под басурманских путешествующих обывателей. Вот вам необходимый реквизит.

Князь выдал каждому из бояр увесистый узелок с «басурманскими» вещами и аксессуарами.

– У кого есть вопросы? Пожелания? Предложения? – поинтересовался Негодуй.

Вопросов, а тем паче предложений ни у кого из бояр не было.

– Тогда больше никого не задерживаю, уважаемые, – встал из-за стола князь. – Завтра, попрошу, без опозданий. А ривидерчи!

Поднявшиеся одновременно с ним из-за стола, бояре поклонились князю в пояс и, прихватив узелки с казенными пожитками, покинули княжий терем.

Поднявшись с утра пораньше, князь и бояре, каждый в своем тереме, мужественно отказавшись от завтрака (кто же на Масленицу идет с полным желудком!) поспешно облачились в заморские «ахлицкие» платья. Затем они надели поверх своих окладистых бород накладные «хишпанские» бородки клинышком, нацепили на головы завитые «хранцуские» парики, припудрились «немчурийской» пудрой, понацепляли на носы и щеки «хохландские» бородавчатые мушки и, таким образом «законспирировавшись», отправились на празднование Широкой Масленицы.

Эх, что это был за праздник! Скоморохи веселили народ в балаганах! Плясуны плясали, танцоры танцевали, а чечеточники отчебучивали! Дудари дудели! Ложечники лихо наяривали на ложках, трещеточники – на трещетках! Певцы запевали! Гуслиеры им аккомпанировали! И

остальной честной люд от них не отставал! Все вокруг веселились, играли в игры, катались на качелях, горках и санях с запряженными в них тройками лошадей.

А сколько в лавках, и на лотках было всякой вкусняцкой снеди: медовые печатные пряники, бублики-баранки, пироги-расстегаи. Но самым многочисленным, и по праву, был блинный «модельный» ряд. Ведь блины являлись самым главным атрибутом Масленицы и имели сакральное значение для вельмипонежского народа. Круглые, горячие, румяные, они являли собой символ ясного солнышка, которое разгоралось с каждым днем все ярче и ярче, удлиняя дни и укорачивая ночи. Блинчики пшеничные, гречневые, пшеничные, ржаные, гречнево-пшеничные, пшенично-ржаные, с маслом, луком, мясом, рыбой, грибами, икрой красной и черной, яйцами и ливером, медом и творогом, вареньем и сметаной (и это ещё неполный перечень!), и все это объеденье подавалось с пылу-жару на столы, а народ лопал в три пуза, нахваливая дородных стряпух и их стряпню, и прося добавки.

Не удержались от соблазна и князь с боярами. В тайне друг от друга новоявленные «басурмане» тоже наелись блинов, да напились кваса и медовухи. От знатной закуси совсем хорошо у князя на душе стало. Едва не запел, родимый.

Все бы ничего, да вот только небольшое досадное недоразумение с князем вышло. Митрополит Эполит, самый старший сановник среди вельмипонежского духовенства, катаясь на качелях с послушниками, заметил подозрительно напудренного «басурманина», лавировавшего среди блинных рядов. И так как митрополит был на короткой ноге с князем, он сразу признал до боли знакомый золотой перстень с именной печатью светлейшего на руке «басурманина». Надо сказать, что Эполит и так-то недолюбливал иноземных бездельников, за их безбожность и лукавство. А тут ещё Его Святейшество обнаружил, что один из забугорных чужаков княжеский перстень стибрил. Такого безобразия митрополит допустить не мог, и, несмотря на солидный вес и увесистый крест на груди, ловко спрыгнув с качелей, кинулся к басурманину с криками «Держите вора! Иноземцы наших грабят!». Подбежав к опешившему заgrimированному князю, Эполит схватил его мертвой хваткой за руку с перстнем, продолжая призывать окружающих «к оружию».

– Эполит, ты что творишь? Это я, князь твой! – придя в себя, опосля внезапного нападения, зашипел, что тебе королевская кобра, на духовника Негодуй. – Отпусти сейчас же, я тут инкогнито.

Теперь уже Митрополит, услышав знакомый до боли в печенках голос любимого князя, оторопел.

– Княже, ты что ли? – прошептал поп, встретившись с суровым взглядом княжеских карих глаз. – Прости, отец родимый, не признал.

Митрополит рухнул на колени перед князем.

Встревоженный народ, включая подоспевших на подмогу послушников, увидев митрополита, преклонившего колени перед «басурманином», потерял всякий интерес к происходящему и принялся веселиться дальше. Такая реакция окружающих была связана с нередкими чудинками батюшки, который, как уже не раз бывало, вкусив горячительных напитков, устраивал тот ещё «божий суд». Стоит ли говорить, что и в этот раз святой отец был немного навеселе.

– Ну все, батюшка, хватит привлекать к нам внимание, – оглядываясь по сторонам, попытался образумить митрополита князь. – Поднимайся, поднимайся, а то ревматизм коленных суставов подхватишь, будешь знать.

Эполит внял голосу разума и встал на ноги, но оттого что, как было сказано выше, митрополит был подшофе, чудить он не перестал.

– Княже! – провозгласил он своей луженой глоткой, вновь обескураживая Негодую. – Ежели ты на меня искренне не сердишься, то давай тогда выпьем с тобой на брудершафт!

За излишнюю бдительность князь даже и не думал сердиться на Эполита, но такого панибратства, даже от митрополита, Негодуй стерпеть не мог. Вместо ответа князь щелкнул паль-

цами и в этот же миг, крепкие руки его личных стражников, переодетых под скоморохов, но с мрачными «штатскими» лицами, подхватили святого отца под локотки и потащили упирающегося батюшку прочь. Негодуй шепнул пару слов одному из «скоморохов» и уже спустя несколько минут, дежурная карета несла задремавшего митрополита в Старо-Дремовский монастырь на пятнадцатый суточный «отдых», за нарушение субординации.

На этом с прискорбным недоразумением было покончено.

Переодетый князь ещё немного погулял по блинным рядам, отведал всяческой вкуснятинки, отвел душу, а уже потом, на сытый желудок отправился следом за боярами богатырей отбирать.

Как раз время для молодецких потех пришло.

На дальнем, пологом берегу, хлопцы устраивали скачки, и там, среди добрых молодцев, под видом басурманского путешественника-летописца сновал боярин Харибор, который делал пометки в своем берестяном блокноте «беря на карандаш» достойных наездников.

На правом крутом берегу, удалыцы брали штурмом снежную крепость, проявляя чудеса ловкости, «героизма» и «ура-патриотизма». Рядом с штурмуемой крепостью крутился боярин Простофил, уворачиваясь от снежков и внимательно наблюдая за розовощекими штурмовиками.

Посреди реки тем временем завязались кулачные бои. Сначала классическая «стенка на стенку», затем «свара» и «куча-мала», а напоследок, между теми крепышами, кто ещё остался стоять на ногах, судьи-старосты устроили самый зрелищный молодецкий аттракцион – кулачный бой один на один. Там, помимо боярина Миложира подрядился наблюдателем и боярин Сухофим. Все-таки это был наиболее ответственный «фронт работ».

Остальные бояре тоже не остались без дела. Тихомир поглядывал за соревнованиями стрелков из лука. Кислорож отмечал самых быстрых и ловких парубков по вскарабкиванию на высоченные столбы – обструганные и отшлифованные корабельные сосны – за новыми сапогами и подарками для девчат. А молчаливый Гласлав следил на дальней игровой площадке за играми силачей, метавших на дальность бревна и мельничные жернова.

Князь же Негодуй, как лицо наиболее ответственное и заинтересованное, неутомимо метался среди всех игрищ как заведенный, успевая отметить того или иного кандидата в каждом виде соревнований, причем, к своему вящему удовольствию, некоторых «уникумов» он отмечал в нескольких «номинациях».

Уже к обеду у каждого из бояр набралось по несколько десятков претендентов. Скольких кандидатов на должность и звание княжеского богатырского отметил князь у себя, даже сказать страшно.

Подав условный сигнал Негодуй собрал всех бояр в неприметном шатре на окраине ярмарки, где был устроен их «оперативный штаб», и вокруг которого плотным хороводом хороводили «скоморохи» с характерными каменными физиономиями. Князь собрал своих приближенных, чтобы, так сказать «подбить бабки».

– Ну, у кого сколько претендентов вышло? – потирая в предвкушении руки, спросил князь.

Довольные «уловом» бояре достали карманные берестяные блокноты с записями и разложили их перед князем.

– Тэкс, тэкс! Будем делать поглядеть! – склонился Негодуй над «сводной ведомостью» претендентов. – Гляньте-ка, этот хлопчик и здесь, и здесь проходит. А этот молодец вообще в трех категориях успел призовые места завоевать. А этот пострел умудрился вообще в четырех ваших списках оказаться. А этот орел...

Князь с боярами ещё довольно долго сверяли свои списки, и в итоге у них набралось почти четыре дюжины гарных хлопцев, которые оказались практически во всех списках, из числа занявших с первого по пятое места в разных категориях. От такого количества отборных

кандидатов князь даже приуныл слегонца. Получалось, что дальнейший «профотбор» с отсеиванием мог затянуться на неопределенный срок. А время нынче играло супротив княжества. Богатыря надо было избрать в кратчайшие сроки и точка. Сейчас он нужен был как воздух. И главное – не ошибиться.

Негодуй, в сердцах, треснул кулаком по столу.

Раздался оглушительный протяжный треск, конское ржанье и... женские вопли. По всей ярмарке дружно заголосили испуганные бабы.

Князь с изумлением воззрел на свою тяжелую руку. Бояре оробело отпрянули. Тут в шатер пролезла голова старшего «скомороха».

– Светлый князь, не вели казнить, вели слово молвить! – безошибочно определив князя среди присутствующих должностных лиц, одинаково замаскированных под «басурман», отпартовал «скоморох».

– Глаголь, десятник Иероха! – кивнул тому Негодуй, все ещё зачарованно поглядывая на свою руку.

– Там, того, княже, лед на реке треснул, люди в воду угодили, – доложил десятник-«скоморох». – Вы бы, княже, ушли в безопасное место. Не дай бог и здесь...

– Больше ни слова! – замахал на десятника Негодуй и ринулся прочь из шатра. – Все за мной!

Бояре, пугливо поглядывавшие себе под ноги (не появилась ли трещина!) гурьбой кинулись за своим князем. Однако Негодуй их надежд не оправдал. Вместо того, чтобы спастись от возможной беды на берегу, он помчался к месту происшествия, ибо у князя возникла гениальная идея продолжения «естественного отбора» богатыря.

– Смотрите в оба, господа бояре! – поучал он на бегу догонявших его бояр. – Из той полусотни хлопцев, кто бросится спасать утопающих, и будем выбирать штатного богатыря для службы государственной.

Когда бояре поняли задумку князя, совсем приуныли. Ведь не ровен час и под ними лед треснет. Тогда им уже точно не до богатыря будет.

Вскоре вся «избирательная комиссия», сопровождаемая молчаливыми «скоморохами», очутилась вблизи места происшествия.

Оказалось, что чуть ниже по течению, у излучины реки, на самой стремнине, где лед был уже не так крепок, ребятня самозабвенно гоняла в «ледовую лапту», как изначально величали в княжестве игру похожую на нынешний хоккей. Лед под детворой как не крепился, а все-таки не выдержал, хрустнул по периметру лаптового поля. В мгновение ока образовалась широкая полынья, в которую угодили несколько «болельщиков», две «великолепные пятерки» и, соответственно, пара вратарей (по одному от каждой команды).

Со всех сторон к ним устремились на помощь люди. Но первыми, как и предполагал дальновидный князь, на помощь пришли те самые хлопцы из «списка». С разбегу, не раздеваясь, с десятков смельчаков попрыгало в ледяную воду и хватая барахтавшихся ребятишек, стали вытаскивать их на лед, где тех подхватывали другие сердобольные мужички и завернув в свои тулупы и тужурки, тащили подальше от опасного места.

Благодаря слаженной работе добровольных «спасателей на водах», ни один ребенок не утонул, и даже воды толком наглотаться не успел. Все детишки были спасены. Нырнув пару раз для проверки, последними из полыньи, под аплодисменты окружающих, выкарабкались смельчаки. Всего, по уточненным боярами данным, в числе «спасателей» оказалось двенадцать добрых молодцев – отважная, почти богатырская дюжина.

Задача для князя и бояр значительно облегчилась. Двенадцать ясных соколов, это вам не полсотни орлов. С ними разобраться можно будет куда быстрее.

Сияющий от радости князь не стерпел и, выйдя вперед, сорвал с себя иноземные причиндалы, явив свой светлый лик народу. Честной люд, увидев кто пред ними так внезапно

предстал, ахнул и в пояс поклонился своему правителю, а особо ретивые и морально неустойчивые так и вовсе на колени бухнулись.

Согнулись в уважительном поклоне и мокрые с головы до пят «спасатели».

– Спасибо вам, орлы, за дела добрые, – обратился к ним князь. – Порадовали соколы, старика, ничего не скажешь. Эх, не перевелись в нашем княжестве, богатыри! А кто из вас самый первый богатырь, это мы с вами будем уточнять уже завтра. Все двенадцатерых жду завтра у себя в резиденции к десяти часам. И чтобы без опозданий! Ясно!

– Так-тош-ваш-сок-благ-родь! – дружно рявкнули хлопцы и вновь поклонились в пояс князю.

– А теперь повелеваю всем продолжать празднество! – объявил князь и отдал распоряжение маячившему рядом десятнику в скоморошьем костюме. – А здесь у полыньи выставьте оцепление, дабы ещё беды не стряслось.

– Не извольте беспокоиться, государь! – вытянулся во фрунт десятник и ретиво бросился выполнять указания начальства.

На этом довольный князь в сопровождении скрывавшихся под масками «басурман» бояр покинул ярмарку и отправился к себе в княжий терем. Народ же, как ни в чем не бывало, продолжил празднование Широкой Масленицы.

ГЛАВА 4.

В десять утра перед парадным крыльцом княжьего терема выстроились девять бравых молодцев.

Почему девять? Было же двенадцать?

Да потому что трое прийти не смогли по различным, по вельмипонежским понятиям объективным причинам: один выпил лишку на радостях, так что встать не смог; другой – проспал, лежебока; а третьего «симулянта» свалило воспаление легких, «перекупался» болезный намедни в полынье. Окружающие думали, что князь здорово рассердится на отсутствующих, однако он, казалось, даже немного обрадовался. Кандидаты на ответственную должность сами собой отсеивались. Выпивохи, лежебоки и «чахлосздравые» не годились даже на менее требовательные должности рядовых дружинников, уже не говоря про богатырскую «эксклюзивную» вакансию.

Любезно поприветствовав пришедших румяных здоровяков, князь произнес пламенную речь, нацеливая претендентов на взятие очередного «бастиона», которую завершил следующими словами:

– Вы уже показали свою ловкость, силушку и отвагу, дорогие мои силачи. Теперича надобно вам, соколики, показать свои умения в другом русле. А в каком, узнаете в гостях у митрополита Эполита и его святых отцов. Он ожидает вас в Старо-Дремовском монастыре. Отправляйтесь-ка, голубчики, прямиком к нему. С нетерпением жду одного из вас для назначения на должность! И да сопутствует вам удача!

С этими словами князь подошел к каждому из кандидатов и сердечно пожал им руки, чем весьма и весьма растрогал последних. Всех претендентов одарил князь Негодуй своей радостной улыбкой, а около одного из них задержался чуть дольше. Загляделся он на рослого молодца с вихрастым чубом, широким плечевым поясом и грудью колесом. Вот его бы в богатыри взять! Не человек – картинка!

– Тебя как звать, хлопчик? – спросил князь, поглядывая на розовощекого атлета задрав голову.

– Ковыла я, светлый князь, – широко улыбнулся парубок, обнажив два ряда здоровых белых зубы. – Из кузнечной артели.

– Добре, Ковыла, – приподнявшись на носки, по отечески похлопал его по плечу Негодуй. – Ты уж там постарайся, не облажайся.

– Ужо постараюсь, княже, – уверил Ковыла.

– Ну что же, ступайте с богом!

Князь ещё раз с надеждой поглядел на Ковылу, вздохнул и скрылся в тереме, а претенденты сноровисто погрузились на подогнанные телеги и отправились на прием к духовному лидеру княжества.

Митрополит Эполит, в отличие от князя, немного хворал опосля вчерашнего, а потому был не в духе и довольно строго встретил княжеских «гостей». Однако, даже с больной головой, он прекрасно понимал, что один из этих «соискателей» наверняка станет главной ударной силой светской власти (читай – князя), поэтому сильно отчитывать их не стал.

Стоя на балконе перед стушевавшимися гостями, попенял им митрополит для порядку, пошто в церковь редко ходят и совсем не исповедуются (у высокопоставленного батюшки, как вы понимаете, были свои источники получения достоверной информации), пристыдил слишком вольготным образом жизни, напомнил о скором наступлении поста, и, взяв с каждого честное-пречестное слово, что будут соблюдать оный пост, только после этого пригласил всех пройти на собеседование.

Немного обескураженные суровым приемом девятеро широкоплечих кандидатов вошли под сень монастыря. Монах, провожавший их к покоям митрополита, подвел немного робевших хлопцев к тяжелой двери и, постучав, исчез в темном коридоре.

Через несколько томительных секунд из-за двери послышался грозный бас митрополита:

– Войдите!

Делать нечего, вошли молодцы и... обомлели.

Перед ними, прямо посреди сумрачной залы на тяжелых скамьях в два ряда восседало все старшее духовенство княжества во главе с облаченным в бархатные с позолотой одеяния митрополитом. Святые отцы тоже были одеты в свои самые нарядные одежды, предназначенные для исключительно торжественных случаев и праздничных молебнов. И смотрелись и смотрели старцы грозно. А ещё изучающе.

– Вот, братья, поглядите кого избрал наш славный князь в кандидаты на должность богатырскую, – после затянувшейся паузы, наконец громогласно промолвил Эполит. И не понятно было по его тону, хвалит он князя, или, наоборот, хулит, за подобный выбор. – Все они, вроде как показали себя с доброй стороны. Проявили себя сугубо положительно. Однако как все знают, одной бездумной отваги и дури для того чтобы стать богатырем, маловато будет. Надо ещё многое знать, понимать и уметь логически кумекать. Так что, я обращаюсь к вам, мои духовные братья, наша с вами задача, выяснить кто из оных достоин сего высокого звания, а кто случайно к нам попал. Итак, прошу, не стесняйтесь, задавайте вопросы.

И вот тут начался тот самый второй тур – самый что ни на есть профессиональный отбор. Святые отцы, умудренные жизненным опытом и древними книгами, начали осыпать вопросами ошарашенных «соискателей». А вопросы, я вам доложу, были не легкого и даже не среднего уровня, а, как отмечают в древних учебниках, со «звездочкой».

Священники интересовались у добрых молодцев знанием ими всех заповедей, грехов, добродетелей, основных канонов и догм, а также географии, истории княжества и всего древнего мира, «арифметики», военно-политической обстановки в регионе и мире. Батюшки также опрашивали у них таблицу умножения, график деления столбиком и о чем именно гласит стишок про «пифагоровы штаны». А ещё уточняли, какова по форме Земля, на скольких вселенских слонах она стоит и что в небесах вокруг чего кружится. Спрашивали, какого цвета воздух, вода и из каких цветов состоит семицветная радуга-дуга. Выясняли, знают ли «претенденты», отчего дым коромыслом, и бывает ли дым без огня, и как развести огонь без спичек, и как

добыть воду в пустыне, и по каким числам раки на горе свистят, и где эти самые свистуны-раки зимуют. В общем, обо всем на свете расспрашивали мудрые попы молодцев. Бедные храбрецы вspotели похлеще чем от тяжелой физической работы, противостоя «силушке монастырской». Более трех часов длился опрос и, в конце концов, к финалу, из девяти человек, добралось всего три кандидата, которые были изрядно подкованы в науках, сметливы и начитаны (да, да, в ту давнюю пору княжество славилось средне-специальным образованием, получаемым в ремесленных училищах).

Прошли все туры и стали финалистами трое: тот самый славный молодец Ковыла – из кузнечной артели, на которого делал ставку князь, а также знатный во всей округе плотник – Берестей и искусный мастер гончарных дел – Кремнеяр.

Остальных «неучей» суровый митрополит прогнал с глаз долой, обязав тех «учиться, учиться, молиться и поститься настоящим образом».

Троицу же отборных молодцев Эполит приветил с размахом. Велел накрыть в трапезной богатый «предпостовый» стол с всякими вкусностями и пригласил их отведать «что бог послал». А бог «послал» много чего: естественно, множество видов блинчиков, а также различных разносолов и варений, рагу с кроликом, гуся в яблоках, бараний бок в собственном соку, щучьи головы под соевым соусом, кренделя и баранки, и хлебного квасу, куда же без него. Короче говоря, уважил старец богатырей, надеясь, что в будущем не забудет как минимум один из них его щедрости и ласки.

После сытного застолья, когда неодолимо клонит в сон богатырский, митрополит Эполит вывел троих кандидатов за ворота монастырские и, отойдя подальше от неприступных стен монастыря, у которых, как он не без оснований предполагал имелись уши, показал рукой на опушку леса.

– Ступайте к Теплому Камню, – заговорил, понизив голос митрополит. – Как доберетесь до оногo...

– Прошу прощения. А можно вопрос? – неожиданно перебил батюшку Кремнеяр.

– Спрашивай, что хотел знать? – соизволил Эполит.

– А разве Теплый Камень не выдумка? В народе поговаривают, мол его никто никогда не находил, а если кто и божился, что видел его, то торизжды не мог показать его местоположение. Может, все-таки вы что-то другое имеете в виду?

– Хороший вопрос, – усмехнулся в бороду митрополит. – Не буду говорить много. Скажу только, что Теплый Камень не выдумка и не фантазия людская. Он существует, только не всем и не всегда его место открывается, а только тогда когда есть великая необходимости. Сегодня вы та самая необходимость. Так что не сумлевайтесь, крестом чую, отыщите вы заветный Теплый Камень. Пойдете вослед за Ярилой трисветлым, что уже на заклон собирается, а когда окажетесь неподалеку от Камня, кликните трижды языческого отшельника Святофора. Как явится пред вами сей тайный волхв, аки лист перед травой, вы скажите ему, дескать, от князя пришли через меня. Хотя, я думаю, он и так уже все знать будет. Дальше он вас испытывать будет и точку в этом вопросе поставит. Все ясно? Вопросы еще есть?

– Ясно-то ясно, батюшка, – подал голос Ковыла. – Только не ясно мне, зачем вы нас к язычнику отправляете? Церковь вроде как с тайными волхвами не в дружбе. Ущемляет отшельников-родоверов. Или я чегось не понимаю?

– А непростые отношения церкви с волхвами не вашего ума дело, – сурово проворчал Эполит. – Когда дело касается земли нашей, мы все заодно: и церковь, и язычники, и иноверцы, и атеисты-безбожники, и даже еретики-нигилисты, ибо все мы одного корня, все Правь славим, только по разным заветам. Святофор же волхв грамотный и капище он на добром месте устроил. Не однажды старый волхв помогал родным краям, и, я точно это знаю, ещё не раз его помощь понадобится, – митрополит покосился на монастырь, – Однако, глядите мне, нигде об услышанном не распространяйтесь. Анафеме предам! А теперь ступайте!

Поклонились добрые молодцы в пояс святому отцу и отправились через лес к Теплому Камню, про который в народе много всяких слухов ходило.

Осенил крестным знаменем удалявшихся соколиков, митрополит и заковылял назад в монастырь, где в его отсутствие, игумен Теофил уже вовсю принимал ставки на кандидатов – кого богатырем изберет тайный волхв Святофор.

М-да! У монастырских стен и впрямь были длинные уши.

ГЛАВА 5.

А пока наши герои бодро маршируют через занесенный снегом лес, держа путь на заходящее солнце, давайте поближе с ними познакомимся. Думаю, они уже заслужили того, чтобы их биографии стали достоянием гласности.

Итак, начнем с главного кандидата в богатыри – кузнеца Ковылы. Как и любой кузнец в любом уголке мира, Ковыла был могучим малым. С младых ногтей крепко держал он молот в руках, и никогда не промахивался по наковальне. Под его расшитой рубахой бугрились мощные мышцы. Как было уже выше подмечено – широкая грудь колесом, а к ней прилагались высокий рост, объемные бицепсы и трицепсы, заставлявшие трепетать не одну сотню ребят и девочек, только первых от боязни, а вторых от умиления. Плюс к этому белозубая улыбка и кудрявая шевелюра, делали его объектом воздыханий девочек практически всей кузнечной слободы и не только. А ещё Ковыла умел жонглировать многопудовыми наковальнями, ибо дури в нем было как в буйволе. Но это только в перерывах между основной работой, покуда ему подмастерья новую дубовую рукоять для молота взамен сломанной ладили. В общем, лучшего кандидата, явно выраженного мезоморфного типа телосложения, в богатыри во всем княжестве было трудно найти.

Конкуренцию ему мало кто мог составить, может, вот, Берестей – плотник, столяр, зодчий. Ростом Берестей, типичный эндоморф, к сожалению не вышел, на две головы был ниже Ковылы, однако природа матушка силой его одарила с лихвой. Косая сажень в плечах, которые по размаху почти равнялись его росту, говорили о практически неограниченной могучести искусного плотника. Как и кузнец с молотом, Берестей ещё малышом взял в руки топор и с тех пор с ним практически не расставался. Едва ли не в одиночку брался избу рубить,нося на своем горбу по два бревна за раз. Мощный аки вепрь был Берестей. Правду бают или нет, но случай с ним, говорят, занятный случился. Однажды, когда он тесал очередное бревно, его горе-помощники не удержали стропилу на крыше, и тяжеленный тес, с грохотом ухнула прямо ему на горб. От удара переломилась стропила пополам, а увлекшийся работой Берестей только дернул плечом, сбрасывая щепы со спины, и как ни в чем не бывало, продолжил обтесывать дерево. Вот он, какой был негибачый силач Берестей.

Третий кандидат в богатыри, гончар Кремнеяр, с первого взгляда был не такой выдающийся как его коллеги. Внешне он меньше этих двух походил на могучего воина. Не такой высокий как кузнец, и не такой широкоплечий как плотник, он представлял собой третий тип физической личности – эктоморфный. Ничего на первый взгляд выдающегося, но в его стройном жилистом теле, а особенно в его руках, на самом деле дремала до поры огромная силушка. С ранних пор месил он этими руками глину. Месил, мят, рвал, тянул и домесил до того, что уже безусым юнцом своим крепким рукопожатием выжимал скупую слезу у взрослых мужиков. С годами стал он ловок и вынослив аки матерый волк. И хоть особо смазливый не был, но девки и по нему вздыхали. Кстати, именно благодаря Кремнеяру появилась в народе поговорка, впоследствии немного переиначенная – «и ладно скроен, и крепко сшит». Причем сшит он был и в самом деле крепко тем самым пресловутым лыком – специально обработанным внутренним слоем древесной коры, из которой делалась тетива для лука в ту давнюю пору. Его деревенский знахарь буквально по лоскутам сшил, опосля того когда ещё в отрочестве Кремнеяр вступил

в схватку с медведем в малиннике. Почти на равных бились, но у медведя изрядное преимущество было – его острые когти. Сильно изодрал медведь отважного юношу, который встал между ним и деревенскими девчонками, собиравшими малину. Еле спасли пацана. Но и Кремнеяр не остался в долгу перед косолапым, неслабо намял тому бока и умудрился даже глаз зверю выбить. Отчего мишка с ревом и отступился от терявшего последние силы человека.

От той встречи осталась у Кремнеяра память на всю жизнь, многочисленные шрамы со швами по всему телу, в том числе и на лице, которые наливались кровью, когда он бывало сердился. Но, как известно, шрамы украшают мужчин. Так что гончар особо не «парился» по этому поводу. Жил себе поживал, силушку наживал.

Вот вкратце, характеристики наших героев, пробиравшихся через сугробы к заветному Теплому Камню, о котором вроде как все слышали, но который никто вроде бы толком и не видел.

Чем дальше они шли в лес, тем выше становились на их пути заносы, завалы и буреломы. Но все трое были выносливыми и упертыми товарищами, и старались не выказать друг перед другом и малейшей слабину. Наоборот, несмотря на трудный поход, они подтрунивали друг над дружкой, посмеивались, шутили, в общем, выпендривались как того требовали молодецкие уставы.

Однако уже и солнце, вслед за которым маршировала неутомимая троица, склонилось за горизонт, из-за чего на лес опустилась фиолетовая вуаль зимнего вечера, погрузив его в таинственный полумрак, а впереди были лишь густые заснеженные таежные дебри. Никакого намека на Теплый Камень.

Вполне возможно, что митрополит что-то перепутал, и идти надо было в другую сторону.

Подобные мысли начали посещать головы всех трех путников, но вслух высказать это предположение первым никто из них не решался, боясь быть осмеянным. Уже и последние солнечные лучи погасли на заходе и лес погрузился во тьму. Вокруг них в темноте поблескивали волчьи глаза, слышалось клцанье зубов и настороженное рычанье. Но никто из отчаянных «санитаров леса», несмотря на лютый голод, нападать на них не решался – чуяли серые, что себе дороже выйдет с этими двуногими связываться и «санитары» понадобятся уже им. К тому же бывалые хищники были неплохо осведомлены о предназначении пахнущих бедой ножей, чьи рукояти красноречиво торчали из людских сапог (в ту дивную пору ношение холодного оружия сознательным гражданам не только не запрещалось, но и поощрялось).

Так и брели они до полуночи, без перекуров и привалов. Уже и педантичный филин из чащи двенадцать раз проухал, а они все брели, пока, шедший первым Кремнеяр не наткнулся на свежие, до боли знакомые следы от сапог в количестве трех пар.

– Сдается мне, друже, что что-то здесь не так, – остановился он, на небольшой полянке, окруженной вековыми елями, и показал товарищам на замкнувшийся круг из их же следов. – Поздравляю вас с почином, братцы! Мы с вами впервые в лесу заплутали! Спешу заявить, что таким «макаром», мы никогда на Теплый Камень не набредем, и наши следы тому подтверждение. Тут наверняка есть какой-то секрет, о котором нам позабыл сказать митрополит.

– Я думал примерно о том же, – кивнул, соглашаясь, Ковыла.

– Угу, есть такое дело! – поддакнул Берестей. – Неспроста нас в глухомань отправили. Ох, неспроста!

– Стоп, братва! – воскликнул «догадливый» кузнец. – Я, кажись, укумекал чего-то они нас сюды спровадили!

– И чего?

– Помнится, в одном древнем трактате я однажды вычитал про старый способ выявления лидера в диких жарких странах. Так вот там отвозили избранных кандидатов на необитаемый остров и оставляли до тех пор, пока оттуда не подавал дымовой сигнал последний из остав-

шихся в живых претендентов. Его так и называли – «последний герой». А ещё раньше, охочие до зрелищ дикари устраивали, так называемое «ненасытные игрища», в которых люди убивали себе подобных до победителя, примерно для тех же целей. Чуете, куда я клоню?

Ковыла недобро улыбнулся и заговорщицки подмигнул спутникам.

– Куда? – все ещё не «почуял» Берестей.

– Таким способом они хотят выявить из нас самого лучшего воина. Тот, кто из лесу невредимым, или хотя бы живым вернется и станет богатырем, – сделал заключение кузнец и потянулся к засапожному ножу.

– Ты в своем уме, друже?! Часом не отморозил себе голову? – попенял ему Берестей, но, на всякий случай и сам потянулся к ножу.

– Да вы оба чокнулись! – встал между ними Кремнеяр. – Порешить друг друга возжелали?! Прекратите сейчас же! Горячие головы, понимаешь.

Осуждающий тон его голоса отрезвил спутников.

– Говоря о секрете, я вовсе не то имел в виду, что тебе Ковыла в голову взбрело, – удостоверившись, что поножовщины не будет, продолжил Кремнеяр. – Я подразумевал секрет выхода на Теплый Камень, который, я не сомневаюсь, наверняка существует.

– И что дальше прикажешь делать? – усмехнулся Ковыла, все ещё не скидывавший со счетов свою простую и вместе с тем «гениальную» идею.

– Возможно, мы попросту кружим вокруг да около нашего пункта назначения, а никак к нему не приблизимся, оттого, что не готовы ещё к тому, чтобы его увидеть, – выдвинул предположение гончар.

– Я, так давно уже готов, – возразил Берестей, поеживаясь от морозца.

– И я готов, – признался кузнец. – Причем ещё от опушки.

– Ну, коли так, тогда давайте покличем тайного волхва, – предложил Кремнеяр, который хоть вслух и не высказался но мысленно тоже считал себя «готовым». – Авось услышит. В ночи всегда тихо и воздух чист, потому слышно далеко. Глядишь, и откликнется, Святофор.

– А что, давайте покличем старца! – согласно кивнул Берестей.

– Три-четыре! – скомандовал Ковыла.

– Святофор!! – три луженые глотки огласили богатырскими басами спящий лес.

Волчьи стаи, с опаской, медленно но верно сжимавшие вокруг них кольцо, с первым криком испуганно ломанулись прочь, не разбирая дороги.

– Святофор!! – вторично гаркнули добрые молодцы ещё громче.

Всполошено заухали в округе филины, загалдели дремавшие сороки, раскаркались спронежьи вороны и, поднявшись в воздух, закружили птичьи стаи над лесом.

– Святофор!!! – в третий раз, что есть силы рывкнули бравые ребята.

С дальних кордонов донесся треск – разбуженные лоси и кабаны, спасаясь от непонятных, а потому страшных, громоподобных раскатов, понеслись по лесу, круша все на своем пути, а с ближних к богатырям елям от мощной звуковой волны сорвались снежные шапки, оголив еловые «плечи».

Трижды кликнули путники тайного волхва и замолкли, прислушиваясь – не откликнется ли кто на человеческом, на их зов. Но проснувшийся лес ответил им лишь недовольным вороньим граем, обиженным волчьим воем, сорочьей трескотней, клекотом, цокотом, фырканием, кашляньем и другими, присущими тайге звуками, даже отдаленно не напоминавшими человеческий голос.

Стоп! А это что там, в дали за искорка?!

– Братва, смотрите, там отсвечивает что-то! – сообщил спутникам радостную новость Ковыла, первым приметивший мерцавший между деревьями далекий огонек.

– Вроде как костерок, – возликовал Берестей. – Айда к нему! По крайней мере, хоть дорогу уточним и обогреемся чуток.

Ни минуты не раздумывая, трое путников поспешили на огонек.

Каково же было их удивление, когда они, наконец, добрались до источника света. Это и впрямь был костер. Вот только пламя поднималось не от поленьев и хвороста, а прямо из небольшого малахитового ковша, словно тот был полон зелена вина. Но даже не этот факт поразил их, как само место, к которому они вышли. Это был небольшой пригорок у лесного замерзшего озера. На вершине пригорка покоился огромный валун, весь в червонных и серебристых прожилках, искрившийся в огненных бликах. Вокруг необычного камня и по всему пригорку вместо привычного глазу снега зеленела сочная трава, цвели одуванчики и колокольчики, а у подножия холма, где ещё лежал снежок, пробивались первые подснежники.

Вот он заветный Теплый Камень!

– Ну, чего стали аки истуканы с открытыми ртами, проходите что-ли, гостями будете, – позвал их сухонький старичок, сидевший около Камня между путниками и чудесным костром, коего из-за высокого пламени молодцы сразу и не заметили.

– Никак волхв Святофор?! – изумленно и вместе с тем немного разочарованно прошептал Берестей, ожидавший увидеть дородного благообразного старца, навроде рослого и упитанного митрополита, а никак не тщедушного дедушку с реденькой бородкой, в простецкой хламиде.

– Он самый, – кивнул старик и ухмыльнулся. – А вы, как я понял, те самые кандидаты в богатыри: могучий кузнец Ковыла, дюжий плотник Берестей и семижильный гончар Кремнеяр.

– Да! Это мы самые. Нас к вам... – принялся было объяснять цель их визита Ковыла, но был остановлен волхвом.

– Не надо, я все знаю! – махнул рукой Святофор, хитро улыбаясь. – И про ваши подвиги, и про все-все-все остальное. Кстати, кузнец, твою креативную идею насчет «последнего героя», если ты не против, я возьму на заметку. Да, что вы стоите, проходите-ка ребятки к огню, присаживайтесь. И таким закаленным «моржам» как вы, тепло моего скромного огонька на пользу пойдет. Идите, идите сюда!

Гости не стали себя просить трижды, поднялись на холм и уселись вокруг костра, от которого веяло летним зноем.

– Так это и есть Теплый Камень? – зачарованно поглядывая на вросший в землю валун, поинтересовался Ковыла.

– Он самый, – не стал отрицать очевидного волхв.

– Он весь в красно-бурых прожилках. Никак медь?! – на глазок определил состав руды кузнец.

– Она самая, – кивнул старик.

– А ещё, гляжу, этот Камень испещряют тончайшие жилки золота и серебра, – подметил зоркий Ковыла.

– Да в нем много чего намешано, – нетерпеливо отмахнулся тайный волхв. – Практически вся таблица, ещё неназванная именем какого-нибудь гения из далеких потомков.

– Ась? – недоуменно поднял бровь Берестей.

– Двась! – хмыкнул Святофор. – Не берите в голову.

На несколько секунд воцарилась тишина. Во время этой паузы Святофор внимательно осмотрел смирно сидевших здоровяков. Оставшись доволен внешним осмотром кандидатов, волхв, наконец, промолвил:

– Так, значит одному из вас, предстоит стать богатырем княжества?! Его, говоря официальным языком, защитой, опорой и надежей.

– Угу! – закивал Кремнеяр. – Митрополит сказал, что вы выберете...

– Тссс... – приложил палец к губам волхв. – Не я вас выберу, а прашуры рода и все кто при них, то бишь наша природа. Я всего лишь растолкую их вердикт.

– А как это все будет происходить? – подался вперед Ковыла. – Какое испытание нас ждет?

– А-а, ничего особенного, – протянул Святофор, зевая. – Но это уже завтра, то бишь сегодня уже. Как говорится – утро вечера мудренее, – волхв достал из-за пазухи небольшую краюшку хлеба и, разделив её на три равных части, протянул хлеб молодцам, – Вот, отведайте, что прашуры послали и на боковую. Прямо здесь ложитесь у костерка моего. У Теплового Камня, сами видите, не замерзнете. Про диких зверей я и вовсе молчу. Эво как вы их бедолаг, распугали. Ну все, перекусили по-быстрому и самое время поспать. Добрых снов!

С этими словами волхв улегся между Камнем и костром, и ещё раз сладко зевнув, засопел.

Путники переглянулись недоуменно, но будить старца не осмелились. Решили обождать до утра. Съели по ржаному кусочку хлеба, который оказался на удивление вкусным и сытным. Еще немного посидели, поразмышляли, какие изощренные испытания ждут их завтра (свежи ещё были в их памяти утренние тяготы монастырских «мучений») и сами не заметили, как их сморил здоровый, уже практически богатырский, сон.

Спустя некоторое время, над едва утомившейся тайгой раздался переливчатый храп молодецкого трио, заставивший вновь сорваться с насиженных мест воронье. Поняв, что здесь им подремать сегодня ночью «не светит», воронья стая, возмущенно каркая, взяла курс на север, вглубь тайги, туда, где, как они надеялись, ещё не ступала нога человека.

ГЛАВА 6.

Поднявшись по привычке с утра пораньше, хлопцы обнаружили отсутствие волхва и его чудесного ковша. Никаких следов. Это обстоятельство их изрядно огорчило. Грешным делом они подумали, что встреча с прозорливым старцем им привиделась, однако Теплый Камень, покоившийся на макушке холма, говорил об обратном.

– Может, надо ещё раз волхв трижды покликать? – предложил Кремнеяр уже однажды сработавший метод. – Вдруг ведун только опосля этого объявляется?

– Вполне себе возможно, – согласился Ковыла.

– Ну что, тогда давайте на счет «три»?! – подхватил идею Берестей.

– Эй, вы там! Не надо никого звать! – раздался строгий голос волхва Святофора. – И вообще, зарубите себе на носу или намотайте на ус, на будущее – в гостях себя надо вести вежливо и культурно. Пришли в лес, считай, пришли в гости. Нечаво попусту шум и гам устраивать. Понятно?

– Угу! – дружно ответили молодцы, оглядываясь по сторонам в поисках источника голоса.

– Чего замерли аки столбы? Идите сюды, за Камень заворачивайте! – позвал их волхв.

Облегченно вздохнув (не «невидимское» колдовство!) гости обогнули валун и увидели Святофора. Седовласый старец стоял на пригорке облаченный в потрепанную длиннополую ферязь, запахнутую на груди и схваченную красным армяком расшитым тайными рунами. Длинные ниспадавшие на плечи волосы, развевались на ветру. Освещенный лучами восходящего из-за заснеженных хребтов солнца, старец и сам весь искрился словно снег. Несколько красногрудых снегирей сидели у него на руках, склевывая с ладоней крошки черного хлеба. Спугнутые подошедшими чужаками пичуги взлетели на Камень и, устроившись поудобнее на валуне стали с интересом разглядывать пришлых. Чуть пониже, на середке склона стояло полукругом несколько деревянных идолов-истуканов, тени которых сходились к подножию Камня.

– Какова природа-матушка? Ладушка. Белая лебедушка. Краса да и только! – любясь утренним очарованием просыпавшегося мира, промолвил настроенный на романтический лад старец.

Добрые молодцы никак не прокомментировали его наблюдение, не найдя подходящих благопристойных слов. Они зачарованно смотрели на открывшееся их взору великолепие суровой таёжной стороны. С холма и впрямь открывался прекрасный вид. Далеко внизу простиралась девственная равнина заснеженного безымянного озера, окруженного вековыми елями и стройными кедрами в снежных «меховых» шапках, надвинутых ими на хвойные «брови». Чуть дальше, за скованным ледяным зеркалом озером, в котором любовались своим отражением белоснежные облака, вздымались в прозрачные небеса мохнатые хребты, хранившие в своих глубоких пещерах древние тайны. И все это диво дивное переливалось на солнце, играя в лучах, словно ограненные самоцветы.

– Мороз и солнце, день чудесный! – воодушевленно продекламировал ясновидящий волхв, но вовремя спохватился. – Хм! Прошу прощения пращуры. Знаю, что это не моё, но уж больно к месту пришлось. Да простит меня тот «друг прелестный».

Кандидаты в богатыри переглянулись, недоумевая, с кем это разговаривает тайный волхв, но переспрашивать не стали. Сообразили, коли надо будет, Святофор сам в курс дела введет.

Постояв ещё несколько минут с закрытыми глазами, старец, наконец, обратил внимание непосредственно на претендентов.

– Ну, что, братцы, готовы к труду и обороне? – хитро прищурился он, поочередно поглядывая на бравых ребятушек и не дожидаясь ответа, продолжил: – Вижу, что готовы! Тогда приступим. Вот ты, коваль Ковыла, – остановил он свой выбор на кузнеце, – подь сюда!

Ковыла, польщенный тем, что его выбрали на испытание первым и, вместе с тем, немного обеспокоенный этим фактом, подошел к волхву, который ростом еле дотягивал до его локтя.

– Вот, посмотри вокруг и скажи, что ты видишь? – перейдя на шепот, промолвил волхв. – Только не спеши с ответом, смотри внимательнее.

Что можно было увидеть-разглядеть в этом заснеженном таёжном уголке. Однако Ковыла сосредоточился и внимательно оглядел слепящие просторы, раскинувшиеся перед ним. С минуту он всматривался вдаль, не моргая, что глаза заслезились от напряжения.

– Ну-с, отвечай, мил человек, что видишь? – подал голос волхв.

Кузнец вздрогнул, стряхивая оцепенение.

– Видел я на вершине хребта, среди гранитных скал серебрится в лучах, добрый укрух руды, с волчьей головой, – охрипшим от волнения голосом проговорил Ковыла. – Я увидел, словно рядом был, явно так, даже что и не верится. Ох и знатный меч-кладенец из него выйдет.

Берестей и Кремнеяр с интересом следили за происходящим, слушая рассказ товарища.

– Любопытно! Любопытно! – покачал головой Святофор. – А теперь, всем молчать, а ты, соколик, прислушайся и скажи, что ты слышишь?

После его слов затихли чирикавшие на Камне пичуги, и даже ветер, развевавший волосы Святофора, стих.

Кузнец закрыл глаза и напряг слух. Спустя минуту он обернулся к старцу и торжественно произнес:

– Слышал я лязг мечей, посвист стрел, стук кузнечных молотов о наковальни, звоны колоколов, доносившиеся со всех сторон княжества, будто подле все.

– Замечательно! – ободряюще подмигнул ему Святофор. – И последнее: скажи, что ты чувствуешь?

– Что я чувствую?

– Да! Что чувствуешь? Загляни вглубь себя!

– А-а, понял!

Ковыла понимающе кивнул и... отошел к Камню. Осмотрев валун, он приложил руку к тому месту, где на Камне сходились в один узел несколько серебристых прожилок. Камень и впрямь был очень необычным. От него исходило почти живое тепло, которое кузнец чувствовал своей огрубевшей мозолистой ладонью.

Кузнец всю жизнь имел дело с металлом и металл за такую привязанность отвечал ему взаимной симпатией, становясь податливым и послушным в его крепких искусных руках.

– Я чувствую, как от Камня во все стороны растекаются бесконечные жилы разных металлов. Я чувствую, как они пронизывают недра, поднимаясь из земной глубины. Я чувствую, где руда залегает ближе всего к поверхности, и из какой получатся знатные клинки, что не затупятся вовек, а из каковой орала твердые.

Кузнец отошел от Камня и изумленно уставился на лукаво ухмылявшегося волхва.

– Сдается мне, старче, что и раньше я это чувствовал, но не так осознанно как здесь и сейчас, – произнес он, все ещё находясь под впечатлением от происшедшего с ним.

– Все верно, – ласково посмотрел на Ковылу таежный кудесник. – Твои чувства здесь, на капище у Теплого Камня, обострились как нож опосля оселка. Вот ты и узрел многое от глаз сокрытое. И даже небесный камень почуял среди горных вершин. Ну-с с тобой мы закончили, – Святофор обернулся к ожидавшим своей очереди претендентам, и, смерив каждого взглядом, остановил свой выбор на плотнике, – Теперича твой черед, Берестей, показать свою стезю пращурам. Иди-ка сюда!

Берестей сделал несколько шагов и остановился подле волхва.

– Поведай всем, плотник, что же ты видишь отсель?

Берестей приложил руку ко лбу козырьком, закрывая глаза от слепящего солнышка, и всмотрелся в безмолвную даль. Больше минуты стоял он, не шелохнувшись, высматривая что-то среди вековых дубов и елей и, наконец, произнес:

– Узрел я, старче, на том берегу озера росток молодого дубка, что над снегом едва пробился к свету тянучися. Не боится он, вижу холода, и растет он дюже справно, аки бамбук заморский. Будет крепким дуб, да только щит из него ещё крепче получится.

Выслушав плотника, волхв внимательно посмотрел на противоположный берег заснеженного озера, и удовлетворительно хмыкнув, обратился со вторым вопросом к испытуемому:

– А скажи, друже любезный, что до твоего слуха доносится?

Приложил Берестей руку к уху, чтобы лучше слышалось и замер как изваяние. Ещё больше простоял он, вслушиваясь в почти гробовую тишину. Даже Святофор не выдержал.

– Ну-с, чаво томишь, соколик, – дернул старец за рукав Берестея. – Поведай-ка нам, чего слышал ты?

– Прости, старче, заслушался я лепет сосенок, шепот ивушек, шелест березовых сережек. А ещё я слышал, как скрипят веретена, полозья санные да крылья мельничные, как поют рубанки с пилами, обновляя тёс.

– Хороший слух, ничего не скажешь, – задумчиво пробормотал волхв, и непонятно было рад он или не очень, такой избирательности органов чувств кузнеца или плотника. – Что же, теперь скажи, что ты чувствуешь, стоя на сем пупе земли?

Плотник кивнул и, выбрав самого сурового с виду истукана, подошел к нему и приложил руку к дереву. Ещё дольше он простоял около идола, но Святофор его в этот раз не поторапливал, боялся помешать и... навредить, ибо прекрасно знал, когда человек уходит в себя, может «оттуда» и не вернуться, или вернуться, но не полностью, а лишь на половину, полоумным то бишь.

В конце концов, Берестей оторвался от статуи и, обернувшись к старцу, расплылся в улыбке.

– Я чувствовал как все деревья в округе, набирая пред весною силушку, пьют земные соки, кои идут по корням из глубины земли, чтобы вскоре зазеленеть кудрявыми кронами. Я чувствовал, каким породам деревьев предначертано стать стенами крепостными, каким маковками над храмами, а каковым, ещё в юности, древком копья богатырского. Вот что я чувствовал!

Потомственный плотник был вне себя от радости. Все, что он раньше выбирал на уровне интуиции, теперь было видно ему отчетливо, как это синее небо в ясный солнечный день.

– Ну, что же, и ты удивил старичка, – вновь вернулась к волхву его лукавая улыбка. – Раскрыл и ты свой дар, плотник Берестей. Теперича черед гончара удивить нас.

– Я готов старче! – выступил вперед Кремнеяр, уже немного утомившийся в ожидании своей очереди.

– А коли так, то скажи, что твое око видит, да зуб неймет? – усмехнулся в бородку тайный волхв.

Кремнеяр ни вглядываться, ни прислушиваться не стал, сразу ответил:

– Вижу я, старче Святофор, как Мать – Сыра Земля под одеялом снежным вздрагивает, просыпаясь после зимушки, слышу я как она, родимая, покряхтывает да поохивает, чую я как она, милая, вздыхает и ещё чую как бьется в ней сердце живое горячее.

Теперь с ещё большим удивлением поглядел волхв на гончара, что всю жизнь с землею, да с её квинтэссенцией – глиною терракотовой – дело имел. Даже не поверил сперва, старец, что и вправду Кремнеяр чует то, о чем говорил. Присел волхв, приложил руку к пригорку. Нет, ничего не выдумывал гончар, правду молвил, все до единого слова.

– Удивил ты меня, Кремнеяр, – признался волхв. – Больно притким оказался ты, и... праведным – путь радужный ведающим. И не только меня ты удивил, но и пращуров. Значит, быть посему, быть по ихнему.

Обрадованный результатами проверки, волхв не стал откладывать объявление итогов в долгий ящик, а торжественно объявил:

– Итак, единогласным решением пращуров и меня, их верного слуги, богатырем княжества нашего избирается, – он осмотрел всю троицу достойных претендентов. – Избирается... – волхв сделал ещё одну продолжительную паузу, заставляя ещё пуще поволноваться товарищей, – Богатырем избирается могучий Берестей.

Плотник, услышав свое имя, не поверил ушам и... правильно сделал.

– Шучу! – лукаво хмыкнул Святофор. – Богатырем избирается Кремнеяр!

Ковыла стоял ни жив, ни мертв, ожидая вторичного возгласа старца «шучу!», но так и не дождался. На этот раз тайный волхв сказал чистую правду.

– Да, да, именно Кремнеяр! – продолжил Святофор озоровато косясь на кузнеца. – Его избрали пращуры на поприще ратное. Но и вы касатики не огорчайтесь, – добавил волхв, приметив как приуныли два других «финалиста», – Вас тоже пращуры не оставили без внимания. Ты, могучий Ковыла, будешь первым кузнецом в княжестве. Много добрых мечей и скользящих плугов ты выкуешь. Много нестираемых подков ты выкуешь, найдя для своей стали верный сплав и закалку. Станут твои искусные изделия славить тебя далеко за пределами княжества.

Услышав пророческие слова тайного волхва, приободрился Ковыла, и его губ коснулась добрая улыбка.

– Ты же славный Берестей, станешь первым зодчим во всем княжестве, – поведал Святофор туманное будущее плотнику. – Будешь возводить храмы да терема, без единого гвоздя, ради интереса, но стояти они будут века, не разрушатся. Будут ими дивиться и пришлые, и весть о тебе пойдет по всем окраинам и весям, как о лучшем мастере древесного зодчества.

Приосанился и Берестей, узнав, что ему на роду написано.

– Только станете вы оными виртуозами-искусниками, если не будете лениться-хвалиться, а будете и далее рвать жилы, работать до седьмого пота, – сурово добавил в заключение волхв, смерив обоих строгим пронзительным взглядом. – Лишь тогда ясновиденье сбудется. А теперь, вы ступайте в обратный путь. Возвращайтесь к светлому князю и молвите, что я вас к нему на службу отослал первым кузнецом и первым плотником. А с Кремнеяром мы ещё потолкуем здесь, пообщаемся.

Хоть и остался небольшой осадок огорчения у Ковылы и Берестея, а знание того, что придется заниматься им любимым ремеслом у самого Вельмипонежского князя, их, тем не менее, обрадовало.

– Спасибо на добром слове, волхв Святофор, – поклонились в пояс ему кузнец с плотником и, дружески кивнув гончару, собрались удалиться восвояси.

– Да, и вот ещё! – окликнул их старец. – Пред тем как на службе у князя подрядитесь, у него на несколько дней отпроситесь. Ты кузнец отыщи тот камень железный в горах и выкуй из него меч незатупляемый, а ты плотник найди дубок тот и выточи из него щит непробиваемый. Как исполните мой завет, принесите их мне, а потом уже дуйте ко князюшке. Ясно вам?

– Мы уж сделаем!

– Постараемся!

С этим напутствием покинули капище тайного волхва кузнец с плотником, оставив избранного богатырем Кремнеяра наедине со старцем.

– А тебя богатырь я попотчую, своим зельем для пущей силушки, – усевшись около Камня, сказал волхв, доставая из-за пазухи тот самый резной малахитовый ковш. – Для дел ратных тебе она понадобится, для защиты нашей Матери – Сырой Земли.

С этими словами, Святофор поставил себе на колени ковш, и стал доставать из-за пазухи необходимые для зелья ингредиенты в берестяных фляжках, поясняя:

– Вот вода родниковая, живая. Это сок березовый, он для сласти-сытности. Это настойка дубовой коры, она для горечи. Вот отвар трав луговых, для ароматности.

Поочередно влил он жидкости, в одному ему известных пропорциях, в ковш малахитовый. Затем пришла очередь для других компонентов. Волхв достал из своей, как показалось Кремнеяру безразмерной запазухи, ещё несколько небольших туесков.

– Здесь кедровый орех в ступе давленный, он для твердости. Это рожь в муку перемолотая, для широты души. Щепоть соли сюда, так для энергии, да и для бодрости. А вот это и земляника растолченная, от родной земли тебе лакомство.

Заложил по несколько щепоток указанных «приправ» волхв в ковш. Забурлило зелье в ковше, аки на огне заклокотало.

Зачарованно следил за действиями старца Кремнеяр, но все же, не удержался, обратился к волхву с крутившимся на языке ироничным вопросом:

– Старче, у вас, как я погляжу, в запазухе весь ваш скарб умещается?

Старче усмехнулся и ответил:

– А то! Одному только и дано камень в за пазухой прятать, а иному и целый мир туда помещается без стеснения. Так-то!

Кремнеяр сконфуженно потупил глаза.

– Ты мои слова на свой счет-то не принимай, – добавил волхв, увидев, как заалели уши у гончара. – У тебя-то с добрыми помыслами все нормально. Вот только, мой тебе совет, ты никогда не зазнавайся и не гордись, а то безвременно со смертью повстречаешься. А оно тебе надо?

– Не-а!

– Вот и я о том же! На, держи! – волхв протянул Кремнеяру ковш с зельем. – Прежде чем испить из сей братины, произнеси следующее: «Пращуры мои велие, укрепите дух мой верою, разум – волею, а тело – силушкой богатырской, не корысти ради, а во славу Прави трисветлой и Матери-Сырой Земли». Запомнил?

Кремнеяр кивнул и, держа в руках полную до краев чашу, повторил слово в слово заговор тайный.

– Теперича испей сию чашу до дна! – скомандовал волхв и гончар поднес братину к губам.

Выпив все до последней капли, Кремнеяр крикнул от удовольствия (уж больно вкусным оказалось зелье волхва) и вернул сосуд хозяину. Братина моментально исчезла за пазухой у Святофора.

– Малахитовая братина, – похлопал себя волхв по рубищу в том месте, куда только что запахнул чудесную чашу. – Древняя реликвия пращура нашего, главный компонент моего зелья.

– Так это та самая легендарная Братина Сваро... – догадался Кремнеяр, но волхв его оборвал.

– Тсссс! – приложил Святофор палец к губам, и продолжил шепотом. – Не говори вслух, ибо не к чему воздух почем зря сотрясать.

Старец огляделся по сторонам и вполголоса произнес:

– Все верно, это та самая братина, о которой идет молва ещё испокон веков. Это та самая братина, из которой сделал первый глоток наш пращур Сварог Трисветлый. Это та самая братина, которая долгие времена служила связующим звеном нашего славного рода-племени. Это она самая. Теперь ты знаешь о сем наверняка, и упаси тебя пращуры ещё раз обмолвиться о ней где-нибудь ещё. Усек?

Гончар молча кивнул и сделал рукой красноречивое движение, похожее на зашивание рта, намекая, что с этой минуты он «могила».

Святофор ещё раз погрозил ему пальцем и торжественно заговорил:

– Теперича слушай меня богатырь, внимательно. С этих самых пор ты не принадлежишь себе, и не принадлежишь князю, ты целиком и полностью принадлежишь земле родимой и народу – нашему роду – что её населяет. Неси службу честно и строго, но будь отзывчив, спеши на помощь, но не перестарайся с чрезмерной настойчивостью. Веди себя скромно, не радуй себя бахвальными помыслами, а не то, как я сказал, ждет тебя нежеланная встреча. Чти друзей, коли таковых встретишь на своем пути. В походе, коли такой состоится, будь завсегда на чеку: пей воду там, где будет пить её твой конь, скотина умна, она нехорошей воды пить не будет; стели там, где кошка укладывается; ешь фрукт, который червь коснулся; ягоды срывай те, что муравьями опробованы; смело бери грибы, на которых мошकारа сидит; колодец копай там, где птицы в зной гнездятся; чаще смотри в небо, а не под ноги (не бойся, на коне споткнешься), и будут мысли твои ясные и чистые; больше слушай, чем болтай – и в душе твоей поселится благодать, дух будет спокойным. Все запомнил?

– Все! – ответил Кремнеяр, впрочем, не особо задумываясь над словами старца – ну скажите, например, где в походе, он будет кошку искать, не с собой же её брать, из дому. Да и матушка не позволит Мурзика у неё изъять.

– Ну, коли так, не смею тебя больше задерживать, поспеши ко князю, обрадуй его своей персоной. И особо не тревожься тому, как он тебя по первому встретит. Принимай все спокойно. Какое оружие даст, бери, не ропщи. Какого коня предложит, соглашайся, не гневи князя. Ежели пошлет куда, не отказывайся, поезжай. Коли пращурам угодно тебя проверить, лучшего случая перед славным путем не представится. А ежели тебе повезет, и возвращаться будешь через нашу сторону, заверни ко мне, не забудь старичка. Ладно?

– О чем разговор старче Святофор! Я обязательно вас навещу.

– Тогда, до свидания, богатырь! – поднялся с пригорка тайный волхв.

– До скорого свидания, старче, – тоже встал и поклонился старцу, Кремнеяр.

Обнявшись на прощанье, волхв и свежее испеченный богатырь расстались весьма довольные знакомством друг с другом. Первый остался на своем капище, а второй замаршировал в сторону стольного града Вельмипонежска, доложить князю о решении пращуров и дальновидного волхва Святофора...

ГЛАВА 7.

Князь Негодуй был, мягко говоря, не в восторге от кандидатуры богатыря избранного Святофором и пращурами, к которым волхв вечно апеллировал, и не в последнюю очередь из-за того, что сам сделал ставку на совсем другого претендента (а какого, догадаться не сложно) и продул всю свою заначку (а это ни много ни мало все сэкономленные внебюджетные средства). Пришедшие к нему на доклад кузнец с плотником, поведали ему, кто в итоге стал победителем затеянного боярами и духовенством пари. На Кремнеяра практически никто не ставил, потому и сумма выигрыша у боярина Простофикла, осмелившегося поставить на «темную лошадку» вышла весьма существенной. Благо ещё, что ведун порекомендовал взять на службу Ковылу и Берестея, что вселяло князю некую надежду на возможность замены одной фигуры на другую.

Да и в самом деле, какой из гончара богатырь?! Да, силен! Да, отважен! Да, отзывчив и благороден, хоть и простолюдин! Но посмотришь на его физиономию с тройным шрамом от медвежьих когтей через весь анфас, и сразу хочется позвать на помощь правоохранительных дружинников – уж больно гончар на махрового уголовника смахивает. А тот факт, что Кремнеяр лыком шит, в буквальном смысле, так и вовсе не выдерживает никакой критики. Кто бы мог подумать, что полоумный волхв Святофор, со своими «всевидающими пращурами» остановят судьбоносный выбор именно на этом товарище.

В общем, княже выглядел не особо довольным, когда пред его светлыми очами предстал богатырь Кремнеяр собственной персоной.

– Тэкс, тэкс! Значится, это тебя избрали пращуры с волхвом? – пожав руку и ещё раз отметив стальную хватку гончара, сухо но вежливо поинтересовался князь Негодуй.

– Точно так, светлый князь! – доложил по установленной форме Кремнеяр. – Получил инструктаж у волхва Святофора и направлен в ваше распоряжение, княже, для получения дальнейших указаний. Готов приступить к служебным обязанностям богатыря.

Четкий лаконичный ответ-доклад понравился князю, что вызвало первый положительный отклик в душе правителя. Однако у Негодуя был припасен ещё один сюрприз для новоиспеченного богатыря, который ему подсказал сметливый боярин Простофикл, и заключался в следующем:

– Ишь ты какой шустрый, – попенял Кремнеяру князь и выложил свою затею: – Это, конечно здорово, что тебя рекомендовал Святофор, но этого, пойми правильно, недостаточно для немедленного зачисления в штат на место главного богатыря княжества. Надо пройти ещё один, самый крайний, тест на профпригодность, чтобы окончательно развеять все сомнения честного народа в твоей полной боевой готовности. Естественно он немного опаснее, чем групповой этап, зато и намного наглядней, в первую очередь для обывателей. Они должны увидеть, на что способен кандидат в богатыри в полевых условиях. Итак, если ты готов, я объявляю задание, ежели нет, не смею задерживать. Пушай вон, Ковыла, тогда постарается.

– Я готов, княже, – не раздумывая выпалил Кремнеяр, ибо не для того он решился на этот шаг, чтобы отдавать кому-либо пальму первенства. – Назначай задание!

Негодуй опять был приятно удивлен горячностью парня, выразившего готовность немедля отправляться на ещё неизвестное задание. Этот факт князю тоже пришелся по душе.

– Коли так, тогда слушай боевую задачу, – немного смягчившись, произнес князь. – Тут, такое дело, в захолустье у самых Гиблых Болот, объявился медведь-шатун. Все деревни злодей в той стороне затерроризировал, проще говоря – задолбал. Скотину ворует. Коров, свиней, овец, кур таскает. Даже кроликами не гнушается. И что характерно, люди бают, якобы его собаки не чувят. И охотников сколько не отряжали, никак те его выследить не могут. Куча жалоб на него от бедных крестьян пришло. Иные пишут, что и не медведь то вовсе, а самый настоящий оборотень. А это, сам понимаешь, уже паникой среди населения пахнет, что, в свою очередь, может вызвать беспорядки, недовольство широких слоев общества и так далее, по нарастающей. Видишь как! Кажись пустяк, а в итоге большой переполох может получиться.

Посему, вот тебе мой первый приказ: медведя сего выследить и нейтрализовать, в смысле ликвидировать. Только устранить надобно тихо, без свидетелей и шумихи – двуглавый медведь как-никак на нашем княжеском гербе красуется, а я как князь считаюсь покровителем этих таёжных хищников. А всем потом скажешь, что просто прогнал его в глухие дебри. Справишься – считай спецпроверку прошел. Не справишься – мы хоть кутьи в твою честь полопаем. Вопросы?

– Все предельно ясно, княже! – потер руки в предвкушении скорой драки Кремнеяр, у которого, как известно, были свои счеты с косолапыми. – Готов убыть на выполнение задания. Вот только как быть с конем? Не пешком же туда телепать, Гиблые Болота чай не ближний свет.

Прозорливый князь ожидал, что вопрос с транспортом обязательно поднимется, поэтому приготовился к нему заранее.

– Вот тебе, Кремнеяр, накладная на доброго богатырского коня по кличке Ураган, – протянул Негодуй молодцу берестяной документ. – Правда, Ураган с небольшим пробегом по княжеству, но для первого задания он в самый раз. Не жалко, так сказать. Можешь использовать его по полной программе. Богатырского оружия же, извини, дать не могу, а рогатин, увы, в оружейных палатах не держим. Ну, я надеюсь, такому гарному хлопцу не составит труда самому обзавестись нужным инвентарем для нейтрализации шатуна. Если вопросов больше нет, то вот, боярин Простофикл тебя проводит на конюшню. Получай коня и в путь.

Князь не стал жать гончару руку на прощанье (кисть у него ещё опосля приветственного рукопожатия не перестала ныть), а похлопал отечески богатыря по плечу и удалился в свой княжий терем в сопровождении группы важных бояр. Около Кремнеяра остался лишь боярин Простофикл – автор идеи с шатуном.

– Ну что, добрый молодец, айда на конюшню? – предложил боярин.

– Айда! – махнул шевелюрой озадаченный гончар и двинулся следом за засеменившим вперед Простофиклом.

Конюшня у князя была шикарная – не у всех купцов, уже не говоря про простой люд, такие горницы были: светлая, широкая, чистая. Стойла просторные, на окнах резные ставни с княжьими вензелями – в общем загляденье. А кони-то кони, какие в тех стойлах стояли. Не кони, а птицы, только подкованные. Стройные, ухоженные, с длинными гривами, кони были гордостью князя и завистью бояр, кони которых были куда как скромнее.

У Кремнеяра ажно дух занялся при виде такой гарцующей красоты. И клички у коней, написанные на бирках подле каждого стойла говорили сами за себя. «Торнадо», «Шторм», «Смерч», «Вихрь», «Шквал», «Буря», «Вьюга», «Тайфун», «Самум» и «Сирокко» (подаренные чернокожими купцами из песчаных земель), «Завируха», «Борей» – вот неполный перечень кличек княжьих коней. Поэтому гончар, шагавший за боярином и присоединившимся к ним старшим конюхом к стойлу коня по кличке «Ураган», надеялся увидеть нечто подобное, что он видел во всех без исключения стойлах. Однако, когда они подошли к крайнему стойлу в самом дальнем и темном углу конюшни, его разочарованию не было предела. «Ураган» на деле оказался престарелой клячей с редкой гривой и выпирающими ребрами. По всей видимости, бедный конь доживал свои последние дни на казенных харчах, как говорится, за былые заслуги. И вот этого коня ему любезно предоставил князь. Разочарованный Кремнеяр еле сдержался, чтобы не сгрести ни в чем не повинную клячу в охапку, отнести в терем и бросить ее в лицо князю. Хорошо, что он вовремя вспомнил слова волхва, не артачится и брать то что дадут. Решив последовать совету Святофора (а вдруг конь волшебный и, как в сказках, в нужный момент преобразится до неузнаваемости!) гончар расписался в получении овса, а также седла, уздечки, потника и других элементов сбруи, согласно приложенному перечню и, подготовив коня к походу, вывел его под уздцы из конюшни.

– Ты бы хоть перед дорогой подкрепился, – окликнул его Простофискл, который был тоже поражен моральной крепостью и олимпийским спокойствием гончара, и даже испытал легкий когнитивный диссонанс. – Может, зайдешь ко мне, поешь?

Боярин то ожидал, что увидев какого (!) коня ему подсовывают, Кремнеяр психанет и начнет выказывать недовольство, что можно будет впоследствии использовать против него, для того чтобы с соблюдением формальностей лишить его богатырского звания. Но гончар даже бровью не повел, хотя видно было, что в лошадях он разбирается не хуже любого конюха.

– Благодарю за предложение, я не голоден, – отказался Кремнеяр и невесело усмехнулся. – Надо поспешать, а на этом «Урагане» мне ещё «лететь» и «лететь» до Гиблых Болот.

И все. И никакого тебе нытья. Такой хлопец, мысленно решил Простофискл, достоин всяческого уважения.

– Покедова, боярин!

Кремнеяр взгромоздился на коня. Конь натужно охнул, но устоял. К тому же умная скотина скумекала, что его не на простую прогулку выводят, а как давно бывало – на новое боевое задание, и посему ему надо соответствовать. Конь под богатырем приосанился, тряхнул жиденькой гривой и заржал, давая понять, что он, дескать, к походу готов.

– Удачи тебе, богатырь! – почти искренне пожелал ему Простофискл, с не меньшим изумлением косясь на взбодрившегося коня.

– И вам тут не хворать! – степенно ответил гончар, окончательно совладавший со своими эмоциями, и направил коня прочь из стольного града Вельмипонежска.

«Ураган» натужно затрусил по мостовой в сторону ворот.

Только они на глазах у честной публики выехали за ворот, как гарцевавший по улицам конь стал подавать первые признаки усталости – понуро свесил голову, стал тяжело и хрипло дышать, и все чаще спотыкаться. Так как до леса было рукой подать, Кремнеяр кое-как дотерпел верхом на выбившемся из сил коне до поворота на лесную просеку и поспешил спешиться. И вовремя он это сделал, ещё несколько шагов с таким как он грузом на горбу и «Ураган» бы растянулся посреди тропинки. Вот было бы зрелище, если бы Кремнеяр спустя пять минут после отъезда, вернулся назад в город с полумертвым конем на горбу. Пошли бы кривотолки, косые и насмешливые взгляды, и острые языки навсегда бы закрыли ему вход в высший богатырский состав. А так повезло. «Ураган» почуяв что «гора» с его худых лошадиных плеч спрыгнула, отдышался и продолжил путь за своим всадником-пешеходом.

Так они и продолжили свой путь. То верхом полкилометра, то, когда Ураган утомлялся, пешком «трёшечку». Потом опять конь, чтобы не очень чувствовать себя обузой при богатыре, приставал к Кремнеяру, настойчиво тыча своей мордой ему в бок, и буквально заставляя его садится в седло.

В общем, пусть медленно, но верно, а расстояние между Кремнеяром и Гиблыми Болотами сокращалось. Не прошло и двух дней как богатырь со своим престарелым конем добрались до Гиблоболотского сельского округа.

Так как земля в Вельмипонежском княжестве завсегда полнилась слухами, то, понятно, что Кремнеяра здесь уже ждали. В Дремушовке – районном центре этой глухой стороны, гончара встретил Бустяй – сельский голова и, по совместительству, он же староста местного жилищного класса скотопромышленников.

– Доброго здравичка, товарищ богатырь! – расплылся в толстогубой улыбке Бустяй и отвесил спешившемуся Кремнеяру низкий поклон, как того требовали провинциальные обычаи по отношению к прибывающим господам из «центра».

Распрямившись после непомерного затяжного поклона, сельский голова, сразу же начал жаловаться на жизнь.

– Заждались мы тут вас, дорогой витязь Кремнеяр. А честно говоря, уже и не чаяли никого из стольного града лицезреть в наших скромных глухих местах. А у нас, как вы знаете,

беда! Беда у нас! Бедушенька! Совсем житья нам не стало! Зарядил и к нам в село, да и в другие деревни окрестные шатун захаживать, да скотиной лакомиться. И не абы какой скотиной, а самой наилучшей кормится, тварь ненасытная. Потому и страдаем мы выборочно. У бедняка-то скот плохой, одна коровенка и та «кожа, да кости». Его значит шатун не трогает. Знамо чего, брезгует. И это несмотря на то, что домишки бедноты в деревнях все сплошняком на отшибах-окраинах стоят. Бери, не хочу! Нет же, это косолапый гурман норовит в хлев к таким труженикам как я забраться, к тем, у кого скотинки по более, а сами животные ухоженные, ладные да упитанные. В самые зажиточные дома проклята зверюга наведывается. И что характерно, никто его не видел ни разу, только следы на снегу остаются и те на опушке теряются. И собаки его не чувят. Ни разу лай не подняли. Ни разу след не смогли взять. В народе, особенно среди голытьбы, вздорные слухи ходят, что и не медведь это вовсе, а самый что ни на есть Велеша – лесной хозяин. Из-за этого обыватели боятся и в лес соваться, чтобы тех же дров запас пополнить. А сколько охотничьи артели не отряжались на поимку злодея, так и не смогли его выследить. Но, честно говоря, я подозреваю, что просто побаиваются охотники наши с сим шатуном встречаться, суеверные больно. Мы тут кое-как службу дозорных в деревнях организовали, самых смелых выставять на ночь стали, а он, шатун, все равно нет-нет, да проберется, диверсант косолапый. Прямо не знаю, что и предположить. Может и впрямь Велеша? Вот оно как богатырь. Вся надежда на тебя, добрый молодец, и осталась.

Выслушав полную горечи жалобу сельского головы, Кремнеяр понял, что дела и впрямь здесь плохи. Если уж сам голова готов поверить слухам о рассердившемся Велеше, то чего говорить об остальных, так сказать, «обывателях». Единственным светлым пятном в этой темной истории было то, что косолапый гурман не трогал совсем уж бедные слои населения, что, в принципе, можно было объяснить не его сомнительной гуманностью, а, как сказал, староста Бустяй, исключительной разборчивостью в еде.

– Общая обстановка в вашем уезде мне, в целом, понятна! – ответил Кремнеяр жалобно смотревшему на него Бустяю. – Что же начнем проводить оперативно-розыскные мероприятия. Для начала я бы хотел опросить ваших охотников.

– Таки милости просим в мой терем, – любезно предложил староста. – Там вашему коню сена с отборным овсом дадут. Да и ты, богатырь, с дороги подкрепишься. А уже за чайком с охотниками побалакаешь, спросишь, что да как. Я сейчас же своему младшему накажу за ними смотаться. Ну что, пошли?

– Пошли!

Кремнеяр ведя под уздцы хорохорившегося перед сельчанами коня, пошел в сопровождении старосты к нему в избу.

Пока с дороги мылся в баньке богатырь, пока в проруби плескался, пока ложкой за столом работал, весть о том, что из самого стольного града Вельмипонежска, по личному поручению светлого князя, для ликвидации шатуна прибыл без пяти минут богатырь, облетела не только село, но и близлежащие деревни и хутора. Потому сынишке старосты вызывать охотников, что пару раз отважились в тайгу на поиски зловредного шатуна сходить, не пришлось. Те сами явились поглазеть на «городского».

Староста пригласил и их за стол, как раз чаек подоспел.

Так за чаем с брусничным вареньем, ватрушками и «сгущенкой», Кремнеяр и узнал из первых рук необходимую информацию.

Охотники хоть и большие мастера приврать, а все же довольно честно рассказали, что не раз и не два, ходили по следам хитрого зверя, и доходили до самых границ Гиблых Болот, где всегда следы медвежьи обрывались. И ещё не стали скрывать, что, несмотря на солидное вознаграждение, обещанное артелью скотоводов, никогда не ходили на сами Гиблые Болота, топи которых имели коварную особенность, не замерзать даже в лютые морозы. Помимо этого они нарисовали богатырю относительно точную топокарту местности с условными обозначе-

ниями деревень и других характерных «геоточек», с указанием примерного местонахождения шатуна, которое включало практически все Гиблые Болота, а также наиболее частых маршрутов медвежьих вылазок.

Выслушав охотников и изучив карту, Кремнеяр решил с утра пораньше отправляться на «охоту», в самое логово лютого зверя, потому как, судя по многочисленным тропам косолопого, вариант с засадой отпадал как крайне неэффективный.

Узнав, что приезжий богатырь, самонадеянный как и все городские, собирается на Гиблые Болота, охотники с великой неохотой, а скорее для проформы, предложили свои услуги в качестве проводников. Однако Кремнеяр решительно отказался, пояснив, что работает в одиночку, чем весьма обрадовал оных. Удостоверившись, что в их услугах богатырь более не нуждается, охотники, не допив своего чая и даже не доев халывного варенья и халвы (!), тепло распрощались с хозяином дома и его гостем, и удалились восвояси (пока богатырь не передумал и не решил взять себе кого-нибудь в проводники). Единственное о чем он попросил охотников, достать ему самую крепкую рогатину. Чего-чего, а такого добра у них было достаточно. Обещали к утру доставить.

Ещё немного поболтав о том, да о сем, Кремнеяр по настоянию старосты, был препровожден на почетное место – на печь, откуда уже через минуту раздался могучий богатырский храп.

– Железные нервы у человека! – уважительно отозвался о госте Бустяй, пока его дородная женушка собирала со стола. – Ведь на верную гибель завтра идет, а дрыхнет что тебе храпливый младенец. Хотя он, видать, уже не раз встречался с медведями. Видела, какие у него шрамы на лице?! А я его в бане видел, накачанный такой, дак только у него все тело в лыковых швах. Жуть просто!

– Накачанный говоришь! – ухмыльнулась розовощекая Матруня, окинув взглядом своего обрюзгшего муженька, и, посмотрев томным взором на занавеску у печи, за которой храпел Кремнеяр, добавила. – А шрамы украшают мужиков!

– А у меня вот тут тоже шрам, от аппендицита, – «похвастал» перед женой сельский голова, ревниво поглядывая на печь. – И вот здесь, в детстве собака соседская покусала, я тогда почти даже не заплакал.

– Да уж успокойся ты, мой герой, – чмокнула в лоб старосту жена, которая была его почти на голову выше. – Ты у меня один такой.

– Какой такой?

– Неповторимый.

С этими словами хозяйка проверила сопевших на полатях сорванцов и позвала задумавшегося над смыслом жизни старосту в горницу. Ещё долго из горницы доносилось ворчанье Бустая и примирительный лепет его жены.

– Знаешь, а я тоже качаться зачну! – слышался восторженный голос старосты (эво как проняло беднягу).

– Да спи ты уже, атлет! – повысила голос уже почти заснувшая Матруня. – А не то, завтра я сама твоими тренировками заведовать стану – воды принести, дров наколоть, за скотиной убрать. Сам, без работников. Глядишь, и накачаешься сызнова, аки в молодые годы. Как тебе?

– Спокойной ночи, Матрунюшка! – елевым голосом произнес Бустяй и сделал вид, что захрапел.

– То-то же! Спокойной! – облегченно вздохнула его жена и в доме воцарилась относительная тишина, если к ней можно отнести убаюкивающий храп богатыря.

Рассвет едва только занялся, а Кремнеяр был уже на ногах. Впрочем, Матруня его все же опередила. На столе стоял самовар, в чугунке дымилась полба, а на блюде румянились пироги с ягодами. Расстаралась хозяйка от души, понимала, что, возможно в последний путь отправляется городской храбрец.

Когда из горницы вышел в одних портках заспанный Бустяй, богатырь, сытый и довольный, уже вставал из-за стола.

– Ну чаво ты так торопишься, Кремнеярушка? Ни свет, ни заря, на дворе! – засуетился староста, увидев гостя, направлявшегося прочь из избы. – Давай, может зелена вина, как говорится, на посошок? Все веселей будет!

– Благодарю сердечно, но я не пью хмельных напитков, да и не грустно мне вовсе, – отказался от заманчивого (по мнению старосты) предложения Кремнеяр. – А кто с утра пораньше за дело берется, тому от пращуров благословенье дается.

Богатырь поклонился хозяйшке и вышел на двор. Накинув тулуп на плечи и надев валенки на босу ногу, староста пошел проводить его. Во дворе работники Бустяя уже вывели из конюшни тоже неплохо отдохнувшего Урагана и передали Кремнеяру толстую рогатину, обитую железом, которые передали охотники, с извинениями, что не смогли лично, в виду срочных дел на дальнем хуторе.

Прикрепив рогатину к седлу и вскочив на коня, Кремнеяр пообещал вернуться к ужину и усакал по главной (и она же единственная) улице села в сторону леса.

– Какой-то он слишком идеальный! – глядя ему вслед сказал Бустяй жене, тоже вышедшей проводить гостя. – Не пьет, не ругается матом, не трусит вовсе...

– В богатыри абы кого не берут.

– Такие, как ни грустно, долго не живут.

– Типун тебе на язык! – попеняла мужу Матруня и взяла его под ручку. – Пошли завтракать, мой первый и последний герой!

ГЛАВА 8.

Сверившись на опушке с пометками на карте, Кремнеяр взял курс строго на юг, в направлении разбитого молнией дуба.

До первой вешки (этого самого расколотого молнией дуба) наши охотники на шатуна следовали по удобной утоптанной тропинке, поэтому конь под богатырем держался молодцом, почти даже не хрипел, носом не шмыгал и не спотыкался. А вот когда от искореженного небесной силушкой дуба путники повернули на юго-восток, направляясь к следующему приметному объекту, коим являлся выкорчеванный пенёк (на старательно нарисованной охотниками карте он больше походил на осьминога), двигаться пришлось по менее приспособленной для верховой езды звериной тропе – стежка петляла как заяц между раскидистых деревьев, так и норовивших зацепить Кремнеяра своими голыми сучьями. Дабы бесконечно не уворачиваться от веток, богатырю пришлось спешиться и продолжить путь в пешем порядке. Заметно запыхавшийся Ураган, то и дело оглядываясь по сторонам, старался не отставать от хозяина. Но самым трудным отрезком пути стала непроторенная стезя от выкорчеванного пня, к которому богатырь вышел уже в полдень, и до тех самых трех сосен на господствующей высоте у самой кромки пресловутых Гиблых Болот. И чем дальше Кремнеяр с конем продвигались, тем выше становились на пути сугробы, тем плотнее вставали на их пути деревья. Тайга словно не хотела пускать человека в это недоброе место, словно чувствовала, что добром вся эта затея не кончится. Но Кремнеяр, твердо решив выполнить поставленную задачу, не замечал, или попросту игнорировал, предупреждающие знаки, то и дело появлявшиеся на пути в виде непроходимых завалов, продолжая двигаться к намеченной цели. Не такой он был человек, чтобы свернуть с выбранного пути из-за каких-то там непроходимых (или почти непроходимых) дебрей. Наконец, путники добрались до лысого холма, на котором в ряд росло три чахлах, скрюченных как от церебрального паралича, сосенки. Конь настолько вымотался переходом, что Кремнеяру пришлось уже в буквальном смысле на своем горбу затаскивать его на холм. Не знаю, проклинал ли Ураган свою незавидную старческую долю, врать не буду, но в его глазах плескалось такое отчаяние и безысходность, что, кажется, заговори он прямо сейчас по-человечьи, то обя-

зательно попросил бы пристрелить его на месте. Но богатырь был проницателен и понял без слов морально-психологическое состояние лошади.

– Ты вот что, бедный Урагаша, оставайся-ка лучше здесь, у трех сосен. Да, и смотри не заблудись в них, – подбадривая коня, пошутил гончар, взваливая на плечо рогатину. – Волчьих следов вроде как поблизости нет, так что опасаться тут тебе некого. А я на Гиблые Болота сам схожу за медведем. Мигом обернусь. Тебе все равно через топь не пройти.

Непонятно было, понял его конь или нет, но головой мотнул и обрадовано фыркнув, ткнулся человеку мордой в плечо.

– Вот и здорово, – потрепал его по холке Кремнеяр, уже не раз пожалевший, что взял по доброте своей душевной непарнокопытного ветерана в путь. – Только никуда не уходи, я постараюсь скоро обернуться. Там делов то на ломаный рубль.

Ураган понимающе фыркнул.

– Я скоро! – помахал гончар коню, спускаясь с противоположной стороны холма.

Уже у подножия холма Кремнеяр обнаружил многочисленные медвежьи следы и, судя по размерам, это был довольно крупный экземпляр. Как и предполагал гончар, ни фи́га эти следы не обрывались у Гиблых Болот, а преспокойно уходили вглубь топи, лавируя по кочкам и островкам. Охотники просто не рискнули соваться в трясину или, что скорее всего, поостереглись связываться с Велешим.

Ухмыльнувшись своей догадке, Кремнеяр пошел по следам страдавшего зимней бессонницей хищника. Пройдя с половину версты богатырь понял, что не так страшна была топь, как о ней слухи ходили. Вполне себе обычное болотце, с достаточным количеством твердых островков и кочек, по которым можно было преспокойно передвигаться среди покрытой снежком трясины. Правда цепочка медвежьих следов, по которым выслеживал зверя гончар, то и дело сворачивала то в одну сторону, то в другую, иной раз и пересекаясь сама с собой, что требовало от нашего следопыта дополнительного внимания, чтобы не сбиться со следу. Из этого узорного рисунка следов Кремнеяр ещё раз убедился, что противник ему достался хитрый и опытный. Не зря же косолапый так долго и безнаказанно шалил в деревнях. Но у богатыря хоть и были в свое время наложены лыковые швы, однако, образно выражаясь, он был далеко «не лыком шит». Не смог его косолапый со следу сбить. Хотя, может мишка просто особо и не старался, надеялся, что никто, как обычно, за ним в болота не полезет.

Ну не будем думать, да гадать, ибо наш герой уже почти добрался до медвежьей берлоги. Ещё за сотню сажень за́приметил Кремнеяр большой островок, заросший кустарником, запорошенным снегом. На островке виднелись обглоданные скелеты мелкого рогатого скота, а также отдельные фрагменты костей крупного рогатого скота, в основном тазобедренной части. Сомнений быть не могло, именно здесь и была берлога ночного мохнатого разбойника. От предвкушения скорого поединка у богатыря зачесались руки, а в кровь выплеснулась месячная доза адреналина. Но, тем не менее, Кремнеяр взял себя в руки и не стал сломя голову мчаться на приступ логова. Как нормальный охотник он сделал небольшой крюк, осторожно зайдя с подветренной стороны, чтобы не спугнуть «дичь». И только когда он убедился, что выход из берлоги один и медведю не улизнуть, Кремнеяр остановился напротив темной норы, и, переводя рогатину из походного положения в боевое, вызвал противника на бой:

– Эй, ты, бандюга болотная! Выходи драться не на жизнь, а на смерть! Не бойсь, на выходе бить не буду! Выходь Топтыгин, набедокурил, таки отвечай по заслугам!

Озвучив ультиматум, богатырь приготовился к отражению атаки, одной рукой уперев рогатину в землю, а другой, достав свой длинный засапожный, с вечера заточенный для битвы, нож.

В ответ, вместо злобного рычания... тишина как на полуночном погосте. Кремнеяр потянул носом, пытаясь с помощью обостренного в такие моменты обоняния «выяснить» в чем собственно дело – неужели медведь настолько хитер, что затаился и поджидает его внутри

берлоги или его там вообще нет. Второе предположение, что косолапого «дома» нет, оказалось верным. То ли ушел своевременно, то ли с очередного «скачка» ещё не вернулся. Решив устроить медведю засаду по всем правилам охотничьей науки, а если быть честным, то совсем даже наоборот – богатырь забрался в просторную нору, чтобы сделать, так сказать, хозяину «сюрприз». Пред этим он, само собой, замел свои следы, чтобы не спугнуть хищника, и только потом устроился в засаде. В берлоге неизвестно где шатавшегося шатуна было тепло, поэтому богатыря сморило. Но не стоит беспокоиться, сон у Кремнеяра был чутким, и при малейшем шорохе он сразу открывал, то один, то другой глаз. В общем бдел в полглаза.

Долго ли он так сидел, коротко ли, а уже смеркаться начало, когда Кремнеяр решил, что сегодня, видимо, медведь ночевать не придет, а если и придет, то не скоро, выбрался из засады и заспешил на «большую землю», где его ожидал Ураган. Если бы не этот досадный прокол с лошастью, за которой надо было присматривать, богатырь остался бы в засаде на всю ночь, а если понадобилось бы, и на две, и на три. Гончар был упертым малым в таких вопросах.

Подходя в сиреневых сумерках к холму с тремя сосенками, Кремнеяр твердо решил, что завтра оставит коня в селе, а сам отправится сюда, на болота и не вернется покуда не обезвредит косолапого.

Каково же было его удивление, когда он, взобравшись на холм, вместо Урагана, обнаружил аппетитно чавкающего медведя, сидевшего к нему спиной.

Неужели тот самый шатун!

Вот так встреча!

– Попался, разбойник окаянный! – воскликнул Кремнеяр, перехватывая поудобнее рогатину. – Теперича не уйдешь от возмездия, голубчик!

Медведь, услышав суровый окрик за спиной, перестал чавкать и, стараясь не делать резких движений, обернулся.

Мама родная! Одноглазый медведь! Неужто тот самый! Вот это встреча, всем встречам встреча!

Да. У гражданина «Топтыгина» и впрямь вместо левого глаза зияло черным отверстием пустая глазница.

Кремнеяр тоже без резких рывков, медленно потянулся к ножу.

– Вот мы и встретились, старый знакомый, – злорадно протянул богатырь, вытягивая свой тесак из-за голенища. – Только нынче расклад иной, если ты меня понимаешь.

– Я все прекрасно понимаю, – совсем без акцента произнес вдруг медведь. – Чего же тут непонятного.

Услышав человеческую речь из уст дикого зверя, Кремнеяр (насколько у человека крепкие нервы), а и тот едва рогатину не выронил. Где же это видано, чтобы звери, да по-человечьи изъяснялись! Или...

– Дак ты, что ли оборотень?! – выставив перед собой рогатину, спросил у медведя Кремнеяр, одновременно сожалея, что нож у него не серебряной стали. – Отвечай, так это?!

– Да ты что, мил человек, какой же я оборотень, я самый обычный медведь, – боязливо косясь на рогатину, ответил косолапый.

Чуял берложник, как от богатыря веяло незаурядной силушкой и, что не менее важно, стремлением её поскорее на ком-либо испробовать.

– А откуда ты тогда так здорово по-человечьи толкуешь? – не очень-то поверил словам подозрительного медведя гончар.

– Дак это меня в цыганском таборе обучили, – признался медведь, не отрывая свой единственный глаз от рогатины, и, чтобы немного разрядить обстановку, выложил человеку все как есть, без утайки. – После той нашей встречи я, как видишь, кривым калекой стал. А ты так вон каким добрым молодцем вымахал! Да, да, человеке, я тоже тебя сразу вспомнил и не только по шрамам от моих когтей на твоём лице, а, в первую очередь, по духу твоему бога-

тырскому, который я ни с каким другим к сожалению не спутаю. После нашей с тобой стычки в малиннике, из меня охотник никудышный получился. С одним-то глазом разве только за медом лазать по деревьям. Вот я и подался к цыганам. Они меня приютили, танцевать, в бубен бить, да бороться понарошку обучили, и стали с собой по деревням да базарам водить. Глаз искусственный вставили, чтобы деток и защитников животных не шокировать. А одна старая цыганка от нечего делать стала меня человеческой речи учить. Мудрая была, даром, что баба. Она и зайца курить свою трубку научила, так шутки ради. А со мной вот, язык человеческий учила. В общем, хорошо меня подтянула в этом нелегком деле. Мы с ней потом подолгу о том, о сем балакали. Только она запрещала мне при других по-человечьи изъясняться. Я особо и не стремился, чтобы другие люди узнали о моей тайне. Однажды, правда, – прошедшим летом дело было, – когда их цыганский барон, не помню уже за что накричал на старую цыганку, я не сдержался и, встав на задние лапы, между ним и доброй старухой, высказал все, что я о нем думаю, да ещё и обматерил его. Пришлось уносить ноги. Они также как и ты, сразу меня за оборотня приняли и едва там же, на месте, не прикончили. Сам понимаешь, к ним мне дорога с тех пор заказана была. Когда драпал во всю прыть искусственный глаз и выпал-то. А в лесу мне совсем худо стало. Летом, да осенью ещё как-то перекаптался, на ягодах и грибах, да жирка-то мало совсем нагулял. Как и полагается в спячку с первыми заморозками залег, а уже через неделю проснулся от жуткого голода и урчания в желудке. Вот всю зиму и прошатался вокруг окрестных деревень. В лесу попробуй за косяками угнаться. А в хлеву всегда скотина имеется. Тем более, что за годы скитаний с цыганами, меня все окрестные собаки узнавать стали, потому и не реагировали, когда я повадился в деревни по ночам шастать. А что подделывать?! Жрать-то охота! Сейчас люди стали посты на ночь выставлять, совсем не вмоготу стало. Того и гляди, сдохну от голода.

– М-да! Досталось тебе, – понимающе кивнул добродушный богатырь, выслушав рассказ медведя. Острия рогатины уткнулись в землю. – И все из-за меня выходит? Жаль, конечно.

Медведь, увидев, что боевой запал у человека иссяк, взбодрился.

– Да ладно тебе печалиться, человек! – рявкнул косолапый, повеселев. – Кто старое помянет тому глаз вон! А у меня глаз, как видишь последний остался. Так что давай не будем вспоминать то, что быльем поросло.

– Согласен! – ответил гончар, отбрасывая рогатину в сторону. Теперь он при всем своем желании не смог бы убить это бедное, по его мнению, животное.

– Вот и ладно!

– Кстати, – огляделся по сторонам Кремнеяр. – Ты здесь моего богатырского коня не видал?

– Кого, кого?

– Коня, говорю, не видал? Ураганом кличут.

– Богатырского говоришь? – задумчиво протянул медведь, поглаживая лапой нижнюю челюсть.

– Нет! Не видал! – наконец ответил он, ловко отпихнув за спину горку обглоданных когтей.

– Погодь, а это что у тебя за спиной? – заметил суетливое движение медведя Кремнеяр.

– А-а это?! – «удивился» медведь обнаруженной за спиной страшной находке. – Это кости лошадиные. Здесь какая-то кляча сдохла. Вот я и подумал, чего добру пропадать. Жрать-то знаешь как охота, хоть на Луну вой.

– Эта «старая кляча» и был мой конь, – мрачно бросил богатырь, вновь начав поигрывать ножом. – Между прочим, ветеран походов и сражений. А ты его на ужин сожрал. Нехорошо.

Увидев, как вновь посуровел человек, медведь поспешил оправдаться:

– Да если бы я знал, что это твой конь, я бы его и когтем не тронул. Честное медвежье! Я же думал он умирать сюда пришел. Решил, чего бы не помочь бедолаге. Не я так волки на него бы вышли. Не держи на меня зла, богатырь. Кто старое помянет...

– Да ладно, не суетись, – махнул рукой с ножом гончар. – Надеюсь, конь хоть недолго мучился, быстро умер?

Поняв, что опасность опять миновала, медведь расслабился.

– По-моему, увидев меня, конь умер от инфаркта, – ковыряя когтем в зубах, ответил медведь. – Или у него удар случился, этот... апоплексический. По крайней мере, когда я подошел к скопытившейся животине, она уже признаков жизни не подавала. Пульс точно не прощупывался.

– Надеюсь его лошадиная душа уже на пути в свой лошадиный рай, – вполне серьезно произнес Кремнеяр, поглядывая на обглоданные останки Урагана.

– Даже не сомневайся! – убедительно кивнул медведь и сытно рыгнул. – Он, можно сказать, меня от голодной смерти спас. Так что я теперь его, а через него и твой должник, человек. Я в полном твоем распоряжении.

– Да на кой ты мне сдался?!

Кремнеяр находился в растерянности, и не только потому, что лишился доверенного ему коня, но и от того, что не знал как поступить дальше. Убить медведя рука не поднимется теперь. Оставить в живых и отпустить на все четыре стороны, вновь обречь деревни на медвежий террор. Да, к тому же, это и невыполнение княжеского поручения, по поводу обезвреживания медведя. А значит его богатырская карьера под угрозой. Положение было безвыходное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.